

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

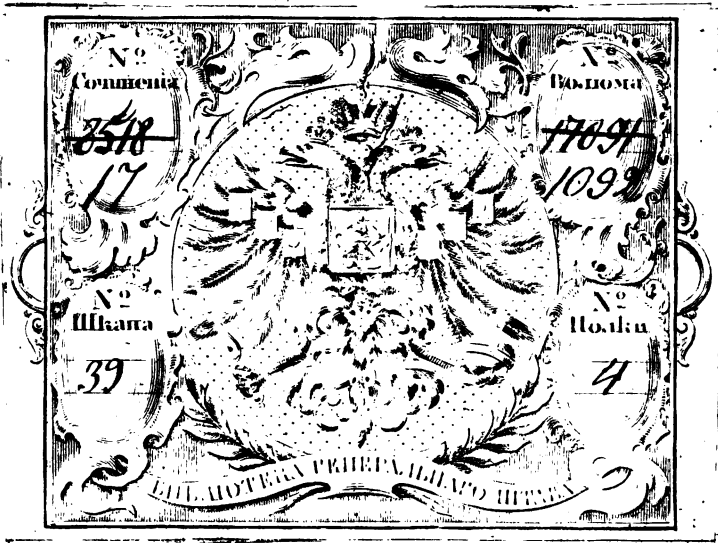
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

4 121 (1828, 17)

1828

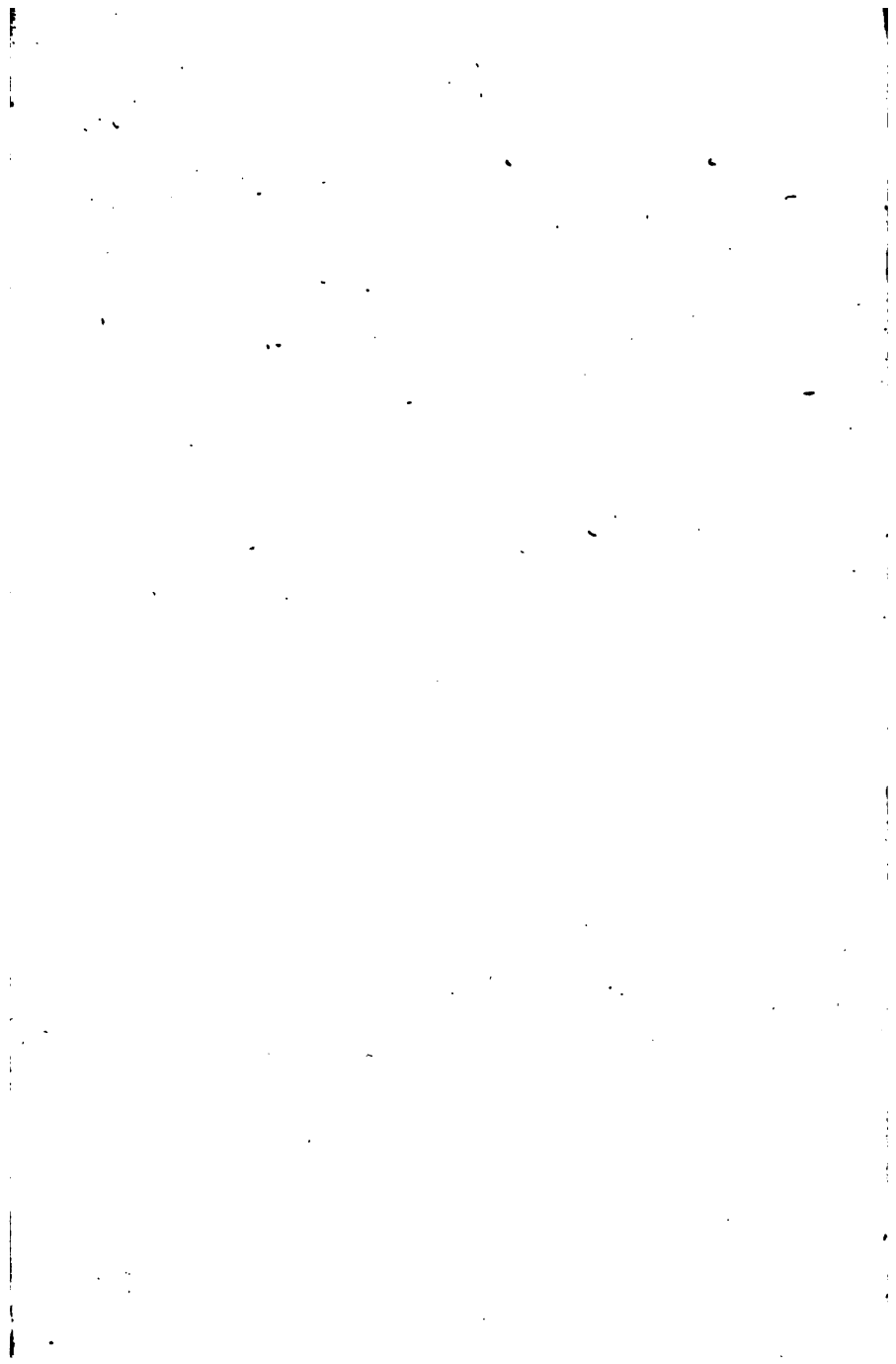
17

(121)

~~Room 6 (Window?)~~

Vet. DK 4. S276.085

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

Ж У Р Н А Л Ъ

ИЗДАЕМЫЙ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

274
—
63

Николаемъ Гречемъ

И

Владимемъ Булгаринимъ.

ЧАСТЬ СТО ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧЕ

1828.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Августа 15 дня 1826 года.

*Цензоръ Надворный Советникъ
П. Гаевскій.*

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1828. N° XVII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ВДОВА, ЖИТЕЛЬНИЦА ГОРЬ.

(Окончаніе.)

Эльса брела не все впередъ, иначе вскорѣ ошдалилась бы она очень ошъ хижины, гдѣ ошавила своего сына. Она опи-сала родъ круга, котораго центромъ была эша хижина, непрерывно привлекавшая къ себѣ вновь ея сердце; и сколько ни блуждала она вокругъ, но чувствовала, что нѣшъ возможности совершенно ошъ нея удалиться. Съ первыми лучами солнца она воз-вратилась, и подойдя къ дверямъ, сдлан-нымъ изъ плешня, ошановилась на ми-нушу, какъ бы спыдаясь того, что безно-койная нѣжнoсть ошя привела ее къ мѣ-сту, которое ошавлено ею въ намѣреніи никогда къ нему не возвращаться; но были и другіе спрахи у нея на душѣ. Ея было-курый сынокъ, можетъ быть, боленъ ошъ неумѣреннаго приема данной ему ошравы;

его враги не пришли ли уже схватить его во время ночи? — Легонько отворила она дверь, и вошла безо всякаго шума. Упомленный огорченіем и тоскою, а можешь бышь и подверженный еще нѣсколько вліянію усыпительнаго напитка, спалъ Гамишь шѣмъ крѣпкимъ сномъ, въ какой, какъ называютъ, впадаютъ Индѣйцы въ промежутки совершаемыхъ надъ ними мучительствъ. Едва мать его могла удостовѣриться, что видишь его передъ собою на постели; едва убѣдилась она въ жизни его, прислушавшись къ дыханію. Съ шрепещущимъ сердцемъ приблизилась она къ очагу, успроенному посреди хижины, на кошоромъ, подъ кускомъ шорфа, шайлся огонекъ, никогда непогасающій въ жилищѣ Шошландца, пока не оставяшь его навсегда обитатели.

— „Слабая искра“ — сказала Эльспа, зажигая, съ помощью лучины, опрубокъ болошной сосны (*), долженствовавшей служить вмѣсто свѣчи: „слабая искра; скоро

(*) Въ Шошландскихъ и особенно въ Ирландскихъ болошахъ находятъ, въ разной глубинѣ, дѣлные лѣса лежащихъ горизонтально сосенъ, копорыхъ дерево, совершенно сохранившееся, служитъ для разныхъ употребленій, и между прочимъ для свѣщильниковъ.

уже погаснешь ты навсегда, и дай Богъ, чшобъ жизнь Эльсы Макъ-Тавишь не продолжалась долве швоей!“

Говоря такъ, поднесла она свѣщильникъ къ постели, на кошорой сынъ ея лежалъ распроспершый, въ шакомъ положении, что можно было усомнишься, почно ли онъ спитъ или находится въ обморокъ. — Вдругъ онъ вскочилъ, шрепеща; сдѣлалъ шагъ впередъ, держа въ рукъ обнаженный кинжалъ, какъ человекъ, идущій на встрѣчу смертельному врагу, и вскричалъ: „Не подходи! — если дорогà тебѣ жизнь, не подходи!“

— „Вошь голосъ и осанка моего мужа!“ воскликнула Эльса: „и по эшимъ словамъ и поступку я узнаю опять сына Макъ-Тавишь-Мора.“

„Машушка!“ сказала Гашишь, измѣняя свой твердый, отчаянный тонъ на горестный, почши плачевный: „о! милая машушка, зачѣмъ ты возвратилась?“

— „Спроси у лани, зачѣмъ возвращается она къ своему дѣвшицу; спроси у горной кошки, зачѣмъ возвращается она въ свою нору и къ малюшкамъ своимъ. Сердце матери, Гашишь, живешь шолько въ груди ея дѣвшица.“

„Въ такомъ случаѣ скоро перестанешь оно бишься“ — сказала Гамишь: „если полько не можешь бишься въ груди, поверженной въ могилу. — Машушка, не осуждай меня, я плачу, но не о себѣ; я плачу о швоей участи. Мои спраданиа скоро кончашся, а швои. . . Ахъ, кто другой, кромѣ Бога, прекрашишь ихъ!“

Ошъ вшихъ словъ Эльспа опшашнулась и зашрепешала; но вскорѣ пріосанилась она снова и съ гордымъ видомъ сказала:

„За минушу еще видѣла я въ шебѣ мужчину, и вопъ, опяшь шы ребенокъ. Послушайся меня, удалимся вмѣспѣ опсюда. Скажи, виноваша ли я въ чемъ передъ шобокъ? огорчила ли чѣмъ шебя? Если и шакъ, не мши же мнѣ шполь жестоко. — Смошри: Эльспа Макъ-Тавишь, кошорая никогда не склоняла колѣна, даже передъ священникомъ, падаешь къ ногамъ своего сына, и умоляешь его о прощениі.“ И вдругъ она поверглась на колѣна передъ молодымъ человѣкомъ, схватила его за руку, спала осыпашъ ее поцѣлуями, и при каждомъ, самымъ пронзительнымъ голосомъ, повторила мольбы о прощениі. — „Просши!“ восклицала она: „просши, изъ любви къ праху опца швоего. Просши — изъ уваженія къ мукамъ, какія прешерпѣвала я, нося шебя у груди

своей, — къ пощениямъ, какія имѣла въ
 своемъ воспишаніи. — Въемли, Небо! будь
 свидѣтельницаю, Земля! мать просишь про-
 щенія у своего дѣшща, и ей въ немъ отка-
 зываютъ!“

Тщешно Гамишь усиливается остано-
 вить пошкъ спрасшнхъ рѣчей, убждаеъ
 мать свою самими шоржешвенными увѣ-
 реніями, что онъ просишь ей пагубную
 хипросшь, какою она прошивъ него ушпре-
 била.

— „Пущиши слова!“ сказала она: „на-
 прасныя увѣренія! Ты дѣлаешь ихъ, чшобъ
 шолько скрпшь всю яросшь своей заобы.
 Хочешь ли, чшобъ я повѣрила? Остави сію
 минушу ашу хижну и удались изъ шраны,
 кошорая съ каждымъ часомъ дешиновншея
 для тебя опаснѣ. Сдѣлай, чего я шре-
 бую, и шогда я повѣрю, что ты просишь
 мнѣ; — откажи въ шомъ, и я снова при-
 нимаю въ свидѣтели небо и земю, лушу и
 звѣзды, съ какимъ неумолимымъ упоршвомъ
 наказываешь ты мать свою за проступокъ,
 кошорый, буде онъ шущъ ешь, сдѣланъ изъ
 любви къ тебѣ.“

„Машушка!“ сказалъ Гамишь: „ты ни-
 чѣмъ не отклоняешь меня отъ моего намѣ-
 ренія. Ни отъ кого въ свѣш не рѣшусь я
 бѣжать. Если Баркальдия пошлеть про-

пшвѣ мѣня и всѣхъ горцевъ, находящихся
 модь знаменами его, я буду ожидашь ихъ
 здѣсь, на вшомъ мѣспѣ; и сколько бѣ шм
 ни уговаривала мѣня бѣжашь, вшо все равно,
 чшо велѣшь вонъ шой горѣ вырвашься изъ
 ея осмованій. Если бѣ я шочно зналъ, ка-
 кимъ пушемъ они пойдуть сюда, шо изба-
 вилъ бы ихъ опш пруда ходишь за мною. Но
 шеперь я пойду черезъ горы, а они, можешъ
 бышь, прійдуть озеромъ. Здѣсь буду я ожи-
 дашь своей учасши, и нѣшь въ цѣлой Шощ-
 ландіи шакого сильнаго голоса, кошораго
 бы я послушадся и сдвинуся съ вшого
 мѣсна.“

— „Такъ и я здѣсь останусь“ — ска-
 зала Эльспа, вшавъ и припворясь спокой-
 ною: „Я видѣла смерть моего мужа, увижу
 безъ ужаса и смерть сына. Только Макъ-
 Тавишъ Моръ кончалъ жизнь молодцемъ, не
 выпуская дзъ руки своей сабли; а сынъ
 мой — его поведешъ на погибель, какъ вола
 на закланіе, Саксонецъ, кошорому онъ про-
 далъ себя за дѣвгы.“

„Машущка!“ возразилъ несчастный мо-
 лодой человекъ: „шм опниала у мѣня жизнь,
 и на шо имѣла право, давъ мнѣ ея; но не
 шронъ моей чѣспи! Ее передали мнѣ храб-
 рые предки, и она не должна бышь помраче-
 на ни мечемъ мужчины, ни словами жѣд-

щины. Что я сдѣлаю, еще можешь быть и самъ шого не знаю; но не искушай меня больше швоими оскорбительными рѣчами; ты уже нанесла мнѣ болѣе ранъ, нежели сколько излечишь можешь.“

— „Хорошо, сынъ мой“ — сказала Эльспа: „ты не услышишь опъ меня болѣе ни жалобъ, ни упрековъ; будемъ молчать и ожидайшь шого, что предназначишь намъ судьба.“

На другой день, когда лучи всходящаго солнца проникли въ хижину, безмолвную, какъ могила, мать и сынъ уже вспали и занимались, каждый своимъ дѣломъ. Гамищъ чиспилъ и гошовилъ свое оружіе весьма спарашельно, но съ видомъ глубокаго унынія. Эльспа, болѣе вшпревоженная духомъ, пригошовляла пишу, о кошорой наканунѣ, при случившейся бѣдѣ, нѣкогда было подумашь. И какъ скоро все было гошово, она посшавила съшсное на сполѣ передъ сыномъ, и проговорила ему сказанное однимъ горнымъ пѣвцомъ: „Безъ ежедневной пищи, сошникъ пахаря ошпаешся неподвиженъ надъ браздою; безъ ежедневной пищи, мечъ воина слишкомъ шяжелъ для руки его. Наше шѣло рабъ нашъ. Но мы должны пишашь его, если хошимъ, чтообъ оно намъ служило.“

Такъ говорилъ никогда слѣпой Бардъ Фюнскимъ воинамъ.“

Молодой человекъ не отвѣчалъ ни слова; однако не отвергъ стоящей передъ нимъ пищи, какъ бы желая собрать силы для ожидаемаго происшествія. Когда мать его увидѣла, что онъ уже насытился, то налила опять роковой бокаль и предложила ему въ заключеніе завтрака. Но Гамишь отвернулся, пренеся и съ судорожнымъ движеніемъ, выразившимъ вдругъ и ужась и опасеніе.

— „Нѣшь, мой сынъ“ — сказала она: „шеперъ, увѣрю тебя, боишься тебѣ нечего.“

„Не проси меня, мапушка“ — отвѣчалъ Гамишь: „или лучше пусни въ другой сосудъ мерзкую жабу, и я выпью, но никогда не прикоснусь губами къ этому проклятому бокалу, никогда не употреблю этого душегубнаго напитка.“

„Какъ тебѣ угодно, сынъ мой!“ сказала Эльспа съ гордостью, и шупъ принялась она, съ большою дѣшельностью, за различныя домашнія работы, которыя были прерваны наканунѣ. Каковы ни были чувства души ея, но, по виду ея и всѣмъ шведовженіямъ, надлежало бы заключить, что въ ней нѣшь ни малѣйшаго безпокойства. Только по излишней дѣшельности и безпре-

рывному движенію, могъ бы внимательный наблюдатель замѣтить, что какое нибудь шажкое чувство должно бытъ пружиною ея дѣйствій; онъ могъ бы замѣтить, сколько разъ, напѣвая въ полголоса разныя пѣсни и, вѣроятно, сама не помня, что дѣлаешь, она вдругъ умолкала и быспро взглядывала на дверь хижины. Каковы бы ни были чувства Гамиша, его поступки были совершенно противоположны маперинскимъ. Окончивъ чистку своего оружія, что дѣлано было во внутренности хижины, сѣлъ онъ передъ дверью, и устремилъ глаза на холмъ, лежащій передъ хижиною, какъ часовой, ожидающій появленія непріятеля. Полдень заспалъ его въ этомъ положеніи, котораго онъ вовсе не перемѣнялъ, и уже часъ спустя мать его, вышедъ къ нему и положивъ руку на плечо его, сказала самымъ хладнокровнымъ тономъ, какъ бы дѣло шло о посѣщеніи друзей: „Когда ты ихъ ожидаешь?“

„Имъ нельзя прійти прежде, нежели ты спанушь длинно ложишься къ востоку“ — отвѣчалъ Гамишъ: „и по въ шакомъ случаѣ, когда самый ближній опрядъ, подъ командой сержанта Алланъ-Брекъ-Камерона, будешь посланъ сюда нарочно изъ Дунбаршона, что впрочемъ весьма вѣроятно.“

— „Такъ войди же еще подъ кровъ
 швоей машери и раздѣли съ нею пригото-
 вленную пищу; послѣ этого пущь придущь:
 — ты увидишь, что машь швоя не будешь
 бесполезнымъ свидѣтелемъ или помѣхою во
 время опасности. Рука швоя, сколь ни ис-
 кусна, не будешь шакъ проворно разряжашь
 ружья, какъ могу я заряжашь ихъ; и даже,
 если по необходимо, я не боюсь ни вспыш-
 ки пороха, ни грому вышрѣла, и мнѣ го-
 варивади, что пули мои не даюшь про-
 маха.“

„Именемъ Неба, заклинаю шебя, машуща“
 — сказала Гамишь: „не мѣшайся въ
 это дѣло. Алманъ-Брекъ очень уменъ и
 снисходителенъ; онъ происходитъ отъ хо-
 рошаго племени. Можешь бышь, въ соснояд-
 ніи онъ обѣщашь мнѣ, что наши офицеры
 не подвергнушь меня посшудному наказа-
 нію; а если захошашь они заперешь меня
 въ шюръму или разшрѣляшь меня — пущь
 шакъ! я готовъ!“

— „И ты повѣришь словамъ ихъ, глу-
 пенькое дитя мое! Вспомни, что племя
 Дермидово было всегда льсшиво и лживо;
 не успѣюшь они наложишь оковы на швоя
 руки, какъ расшянушь шебя и высѣкушь
 розгами.“

„Уволь меня ошь пвоихъ сужденій, ма-
шущка,“ сказала Гамишь спрогимъ пономъ:
„на что я рѣшился, шо выполняю.“

Хотя Гамишь и говорилъ шакъ, чшобъ
избавишься ошь доукъ, или лучше, ошь
преслѣдованій своей мащери; но въ эшу ми-
нушу ему невозможно было сказашь, на
что именно онъ рѣшился. Вся его рѣши-
мость заключалась въ шомъ, чшобъ ожи-
дать своей участи, какова бь она ни была,
безъ всякаго намѣренія усугубишь произ-
вольную вину просрочки, другую — спа-
раніемъ избѣгнушь наказанія. Такую покор-
ность считалъ онъ для себя долгомъ, како-
го шребовала ошь него честь, его собствен-
ная и его соотечественниковъ. Если бь его
признали измѣнившимъ данному слову и пре-
ступившимъ довѣренность офицеровъ, кому
бы спали вѣришь впередъ изъ его шовари-
щей? И не его ли, Гамишь-Бенъ-Макъ-Тави-
ша спали бы обвиняшь жипели горь, въ
шомъ, что онъ оправдалъ и подтвердилъ
подозрѣнія, какія уже писалъ Саксонскій
военачальникъ на счетъ ихъ правдивости?
И шакъ онъ былъ весьма расположенъ оп-
дать себя на производъ судьбы. Но было
ли у него намѣреніе, безъ всякаго шуму
опдаться въ руки опряда, кошорый прій-
дешъ за нимъ; или предполагалъ онъ сопро-

пьялясь съ шѣмъ, чпобы пришедшіе рапники убили его на мѣсцѣ : того и самъ не могъ онъ сказать опредѣлишельно. Желаніе видѣшь Баркальдина и разсказать ему о причинѣ просрочки, понуждало его рѣшишься на первое; но страхъ, подвергнушься унишельному наказанію, и жестокіе упреки машери сильно склоняли его на епорону послѣдняго, самаго опаснаго намѣренія. Бышь пому или другому, предославиль онъ на произволь случая, въ минушу самаго дѣла, которое не заславило долго себя дожидаться.

Наступалъ вечеръ, горы разсплели кь воспоку свои гигантскія шѣни, а между шѣмъ на ихъ вершинахъ, обращенныхъ кь западу, еще ошвѣчивалось заревое золошо. Изъ дверей хижины ясно видна была дорога, обвивающаяся вѣкругъ Бенъ-Крюахана. На шомъ самомъ мѣсцѣ, гдѣ скрывается она за горою, вдругъ явился ошрядъ изъ пѣши солдатъ, кошорыхъ оружіе заблншло ошь послѣднихъ лучей солнца. Одинъ изъ нихъ шель впереди, а прочіе по два въ рядъ, сообразно военной дисциплинѣ. Судя по ихъ ружьямъ, чапанамъ и шапкамъ, нельзя было сомнѣваться, чпобы шо не были солдаты Гамишева подка, предводимые уншеръ-ошцеромъ; споль же ясно было и шо, по ка-

кому поводу шли они къ берегамъ озера Аве.

— „Какъ бодро идушь они!“ вскричала вдова Макъ-Тавишь-Мора: „посмотримъ, какъ ли ворошатся. Но ихъ пятеро; слишкомъ большая разница въ числѣ, почему не грѣхъ будешь воспользоваться мѣстными выгодами. Спупай въ избу, сынъ мой, и спрѣлай черезъ щель, которая подлѣ деревни. Ты можешь положишь двоихъ, прежде нежели выйдунъ они съ большой дороги на шропинку. А шамъ, когда шрое останушя, нечего опасаться; мы съ опцемъ швоимъ часто боролись прошивъ шроихъ.“

Гамишь Бенъ взялъ оружье, которое машъ подала ему, но не шрогался съ мѣспа. Вскорѣ былъ онъ замѣченъ шпрядомъ, судя по шому, что солдаты ускорили свой маршъ и съ большою скоростью подвигались впередъ, не распровиваясь однако въ порядкѣ, а все идучи по два въ рядъ, какъ борзые на шворѣ. Скорѣе, нежели возможно людямъ, не шполь привыкшимъ къ горной ходьбѣ, сошли они съ большой дороги, перебрались по шропинкѣ и приблизились на нисполешный вышрѣтъ къ двери, у кошорой сидѣлъ Гамишь, съ ружьемъ въ рукѣ, неподвижный, какъ спашуд. Между швѣмъ его машъ, въ бѣшенствѣ, выходя изъ себя, все упрекала ему,

самыми сильными выражениями, какія только можешь внушить опчааніе, за его нервшительность и слабодушіе. Эти упреки еще болѣе взволновали въ молодомъ человѣкѣ желчь, и безъ того поднявшуюся въ груди его, при видѣ спарыхъ шоварищей, кошорые такъ непощадно и быспро на него наспупали, какъ псы на цѣпнѣющаго оленя. Сильными неукротимыми спрасши, наслѣдованныя ошъ опца и ошъ машери, вдругъ закипѣли въ немъ примысли, что и шоварищи поступаютъ съ нимъ, какъ враги, и принужденіе, съ какимъ здравый разсудокъ его удерживалъ дошолъ порывы спрасшей, спало вдругъ ослабвашь. Сержаншъ закричалъ ему: „Гамишъ-Макъ-Тавишъ, брось швое ружье и сдайся!“

— „Оспановись *ты*, Алланъ-Брекъ-Камеронъ, и удержи солдашъ своихъ; иначе, мы дешево не раздѣлаемся.“

„Спой!“ закричалъ сержаншъ солдашамъ, продолжая ишши впередъ.— „Гамишъ!“ сказалъ онъ: „подумай, что шы дѣлаешь, и брось ружье; шы можешь пролишь кровь, но все не уйдешь ошъ наказанія.“

„Розги, розги, сынъ мой! помни розги!“ шепшала ему на ухо мать.

— „Осперегись, Алланъ-Брекъ“ — сказалъ Гамишъ: „я не желалъ бы съ шобою ссоришься, но не дамъ себя арештовашь, по-

ка не увѣришь меня, что нѣчего мнѣ бояться Саксонскихъ розогъ.“

„Глупецъ!“ ошвѣчалъ Камеронъ: „ты вѣдь самъ знаешь, что это не ошъ меня зависишь; однако я сдѣлаю, что могу. Я скажу, что встрѣтилъ шебя на дорогѣ, идущаго въ полкъ, и тогда наказаніе будетъ легкое. — Но брось ружье швое. — Впередъ, солдашы!“

Съ послѣднимъ словомъ и самъ онъ бросился впередъ, прощанувъ руку, чтооь ошторонилъ ружье, которое молодой человекъ устремилъ прошивъ него. Тогда закричала Эльспа: „не щади же шеперъ крови сына ошца швоего, на защиту ошцовскаго пепелища!“ Гамишъ спустилъ курокъ, и Камеронъ упалъ мершвый. Все это происходило не долѣе минушъ. Солдашы наступили шощасъ и схватили Гамиша, который, какъ бы въ онѣмнѣи ошъ шого, что было имъ сдѣлано, не оказалъ никакого сопрошвленія. Напрошивъ, машъ его, видя, что солдашы гошовы наложишь на него цѣпи, бросилась на нихъ съ шакою яростію, что надобно было двоимъ изъ нихъ держашъ ее, пока двое другихъ связывали узника.

„Не гнусный ли ты человекъ!“ — сказалъ Гамишу одинъ изъ солдашъ: „что убилъ швоего лучшаго друга, который весь пушій

полюкко о шомъ и говориль, какъ бы спаси шебя и избавишь ошь наказанія?“

— „Слышишь ли, машушка?“ сказала Гамишь, обращясь къ машери, сколько позволяли ему его узы. Но машъ не слыхала, не видала ничего. Она лежала безъ чувствъ въ своей хижинѣ. Не дожидаясь, пока она опомнишься, ошрядъ повель своего пльнника въ Дунбаршонъ. Однако, проходя черезъ деревню Галмалли, онъ ошановилсь и послалъ нѣсколько человекъ изъ жителей за шрупомъ несчастнаго своего командира, а между шѣмъ солдаты ошыскали Магистрашскаго чиновника, и объявивъ ему о случившемся, спросили, что прикажушь имъ дѣлать. Какъ преступленіе сдѣлано было по военной частии, шо имъ велѣли немедленно ошвести арестанша въ Дунбаршонъ.

Обморокъ Гамишевой машери былъ довольно продолжителенъ; какъ ни было крѣпко ея шѣдосложеніе, но послѣдніе при дни, кошорые женщина сія провела въ безпрерывномъ волненіи, очень ее ослабили. Наконецъ Эльспа вышла изъ своего безчувствія ошь крика нѣсколькихъ женщинъ, кошорыя пѣли *коронакъ*, или погребальную пѣснь, всплескивая руками и пронзительно вскрикивая, между шѣмъ какъ волынка время ошь времени помогала годосамъ ихъ заунывными шо-

нами, кошорыхъ спрой принадлежалъ собственно клану Камеронову.

Эльспа вдругъ вскочила, какъ бы возставшая среди мертвецовъ, и почти вовсе не помня о приключеніи, происходившемъ передъ ея глазами. Въ хишинъ было нѣсколько женщинъ, кошорыя обвершывали шрупъ Камерона въ его окровавленный чапанъ и собирались унести его далеко ошь сего роковаго мѣста. „Женщины!“ вскричала Эльспа, внезапно прервавъ ихъ пѣніе и занятіе: „скажете мнѣ, зачѣмъ поете вы погребальныя пѣсни Макъ-Донкиль-Ду въ домъ Макъ-Тавишъ-Мора?“

— „Молчи, волчица!“ отвѣчала одна изъ женщинъ, родственница покойнаго. „Уймизь злобщее вышье свое и дай намъ исполняшь свой долгъ надъ швломъ любезнаго намъ родственника. Никогда ни *коронакъ*, ни *диржъ* не раздадутся ни для тебя, ни для швоего волченка-кровопійцы. Ястреба пожрушь его на висѣлицѣ; лисицы и дикія кошки раздерушь по часшямъ шрупъ его. Да будетъ прокляшь, кто благословишь вашу памяшь, и кто положишь камень на вашемъ *кернѣ* (*) !

(*) *Cairn*. Такъ называли холмъ изъ камней набросанныхъ на могилѣ, для шого вѣроятно, чтебѣ

„Дочь безумной машери!“ возразила вдова Макъ-Тавишъ-Мора: „знай, что никогда висѣлица, кошорою ты угрожаешь, не была наслѣдіемъ нашимъ. Тридцать лѣтъ черное древо закона жадничало шѣла моего любезнаго мужа; но онъ умеръ съ мечемъ въ рукѣ, и древо не дождалось исполненія надеждъ, не дождалось плодовъ своихъ.“

— „Не шаково будешь съ швоимъ сыномъ, колдуныя кровожадная!“ воскликнула опять раздраженная Камеронова родшвенница, кошораа шакъ же была нешпова въ спраспи, какъ и сама Эльспа. „Яшребаша расшеребашь волосы съ головы его, прежде нежели солнце спрятся за островами Трешорнишскими.“

Эши слова наномнили Эльспѣ всю ужасную испорію послѣднихъ шрехъ дней. Сначала ошадась она неподвижною, какъ бы обращенная въ камень ошъ излишества скорби; но пошомъ, спусти минушу, гордосшь и крушосшь ея характера, при мысляхъ, что хошашь ругашься ею въ собшвенномъ ея домѣ, возврашили ей упошребленіе языка и способносшь возрашашь. — „Да, скаредная нахака!“ воскликнула она: „мой бѣло-

узнавашь мѣсто, и всякій мимоседшій пошавляль себя обязанносію прибавашь къ шому еще камень.

курый Гамишь можешь шеперь умереть: онъ обогрилъ свою руку въ крови врага, въ крови Камерона, сшоль прославляемой. Помни о томъ, и когда положишь въ могилу мершвеца, сдѣлай надгробную надпись, какой не найдешь шь лучше: напиши, что онъ убилъ Гамишемъ за то, что осмѣлился занести руку на сына Макъ-Тавишь-Мора на самомъ порогѣ его жилища. Прощай, да напечашаешься сшды пораженія, пошер и убійсшва на кланъ, испышавшемъ все это.“

Уже родшвенница несчастнаго Камерона возвысила для опшвша свой годошь; но Эльспа, пренебрегая начашою ссорою, а можешь бышь и бояшь, чтошь душевное огорченіе не взяло въ ней верхъ надъ расшревоженной досадою, вышла изъ хижины и приясномъ свѣшѣ луны направила пушь свой въ горы.

Женщины, озабоченныя совершеніемъ послѣднихъ обрядовъ надъ шѣломъ несчастнаго сержанша, оставили свое печальное занятіе, чтошь слѣдовашь глазами за Эльсною, кошорой исполнская шѣнь исчезала между скалами. — „Я очень рада, что она ушла“ — сказала младшая между ними. „По мнѣ лучше бы завершывашь мершвеца въ саванъ въ присущешвиц самого сашаны,—

Боже! прости согрѣшеніе — нежели при этой колдунѣ. — Да, нечего говоришь, она въ свое время слышкомъ важивалась со врагомъ.“

„Глупан!“ возразила та женщина, которая выдержала до конца споръ съ Эль-спою: „неужели ты думаешь, что есть, въ землѣ или надъ землею, какой нибудь врагъ, злѣйшій гордоспи и бѣшенства оскорбленной женщины, такой, какъ та кровопійца, которая ушла отъ насъ? Для нея кровь столько же была привычна, какъ роса для горной маргаритки. Много славныхъ людей, много храбрыхъ людей, которые ничто худаго ей не сдѣлали, отъ нея испустили послѣдній вздохъ свой. Но теперь подшибли ей колѣна, потому что волчонокъ ея, убійца, каковъ онъ есть, долженъ и умереть, какъ убійца!“

Пока эти женщины разговаривали такимъ образомъ, охраняя тѣло Алланъ-Брекъ-Камерона, несчастная, причинившая смерть его солдата, продолжала уединенный путь свой черезъ горы. Все время, пока можно было видѣть ее изъ хижины, крѣпилась она изъ всѣхъ силъ, чтобы измѣненіемъ походки или какимъ-либо тѣлодвиженіемъ не дашь повода врагамъ своимъ, съ торжествомъ заключаешь, сколь велико ея изскупленіе

или даже опчаяніе. Она выступала гордо, больше медленнымъ, нежели поспѣшнымъ шагомъ, и выпрямляя станъ свой, казалось, въ одно и тоже время переносила съ пвердоснію несчастіе минувшее, и готовилась бодро встрѣпшсь то, копорому надлежало бытъ неминуемо. Но какъ скоро исчезла она изъ виду ошь людей, остававшихся въ хижинѣ, то не могла уже превозмочь изспупленія чувствъ, ее перзавшихъ. Спранно закупавшись въ плащъ свой, она остановилась на первомъ холмѣ, какой ей попался, взошла на вершину, въздѣла руки къ блиспающей лунѣ, какъ будшо обвиняя небо и землю въ своихъ несчастіяхъ, и испустила крики, пронзительные, дикіе, подобные крикамъ орлицы, копорой пшенцы похищены изъ гнѣзда ихъ. Въ сихъ неспройныхъ вопляхъ излила она свое огорченіе, а пошомъ продолжала пущь скорымъ, неровнымъ шагомъ, въ щещной надеждѣ догнашь отрядъ, уведшій сына ея пѣнникомъ въ Дунбаршонъ. Хотя силы ея казались выше чедовѣческихъ, но завсѣмъ шѣмъ недоспавало ихъ на совершение шакого предпріятія, и никакъ невозможно ей было, при всѣхъ усиліяхъ, исполнить свое намѣреніе.

Между шѣмъ, ни на что не взирая, напругала она свое изнуренное шѣло, чшобъ

сдоль возможно скорѣе добрести до мѣста. Когда прѣбывалась ей пища, она заходила въ первую хижину на пути своемъ. Дайше мнѣ ѣсть, говорила она: „я вдова Макъ-Тавишъ-Мора, я мать Гамиша Макъ-Тавишъ-Бена, — дайше мнѣ ѣсть, чшобъ я могла еще разъ увидѣшь своего блѣокураго сына.“ И ей никто не отказывалъ, хотя нерѣдко давали ей, по чувству какой-то вдупренней борьбы состраданія съ отвращеніемъ, къ чему иногда присовокуплялся и страхъ. Неизвѣстно было, какое участіе принимала она въ убійствѣ Алманъ-Брекъ-Камерона, за копорымъ должна была послѣдовать смерть ея сына; но всѣ знали, каково недшовство ея спрасшей, и какой родъ жизни вела она прежде. Никто не сомнѣвался, чшобъ не была она, шакъ или иначе, причиною бѣды, и Гамишъ-Бена, въ совершенномъ имъ убійствѣ, считали менѣе участникомъ машери, нежели орудіемъ ея злобы.

Таково было общее мнѣніе сошечественниковъ Гамиша; но было вовсе бесполезно для несчастнаго молодаго человека. Капшанъ его, Грень Колинъ, зная весьма хорошо нравы и обычаи своего края, безъ пруда вывѣдалъ у Гамиша всѣ подробности его просрочки и послѣдовавшей за шѣмъ смерти уншерь-ошцера. Онъ не могъ не

соболюбивашъ о семь несчастливцѣ, сдѣлавшемся жертвою взбамошной и гибельной нѣжності своей матери. Но, при всемъ томъ, не могъ онъ найши никакого предлога къ избавленію его ошъ участи, къ какой присудили его дисциплина и военный судъ, въ наказаніе за его преступленіе.

Недолго пянулся судъ; столь же мало прошло времени между приговоромъ и его исполненіемъ. Генераль далъ передъ шѣмъ обѣщаніе, съ примѣрною строгостью наказашъ перваго дезертира, который будешъ пойманъ, и вошъ предсѣвился шакой, который защищаася пришомъ вооруженною рукою и убилъ посланнаго за нимъ сержанта. Не возможно было найши виновнаго, который бы заслуживалъ болѣе наказанія, и пошому Гамишъ былъ немедленно присужденъ на смершь. Заслупничество его Капишана пособило шолько шому, чшо положили казнить его смершію солдата, а не на висѣлицѣ, какъ предполагали прежде.

Въ вто самое время случился въ Дунбаршонѣ и почтенный священникъ Гленоркійскій, вріхавшій шуда по дѣламъ своей паштѣ. Онъ навѣспилъ въ шюрмѣ несчастнаго Гамиша, и нашелъ его конечно невѣждою, но не упрямецемъ. Въ разговорахъ съ нимъ о предмѣсахъ религій получалъ

онъ такіе ошвѣты, кошорые сугубо заста-
вили его сожалѣть о томъ, что столь чи-
стая и благородная душа оспавалась, по не-
счастію, необразована и дика.

Удостоивърясь въ характеръ и добрыхъ
наклонностяхъ моодаго человека, почтенный
пастырь погрузился въ глубокія, мрачныя
размышленія о своей робости и небреженіи,
копорыя, родясь въ немъ ошъ худой молвы
о племени Гамиша, воспрепятствовали ему
употребить усилія, чтооь возврашиться къ
стаду впу заблудшуюся овцу. Но упрекая
себя въ трусости, помъшавшей ошважиться
на спасеніе можешь бышь одной безсмерт-
ной души, онъ рѣшился поступать уже
съ бѣльшею твердосію и посшараться вы-
молишь у офицеровъ прощеніе преступни-
ку, или по крайней мѣрь ошсрочку казни
несчастливца, въ кошоромъ принималъ онъ
живѣйшее участіе, сколько по кротосіи
своего характера, столько же и по велико-
душію.

Ни сколько не медля, ошправился онъ къ
Капишану Камбелю, въ казармы, въ кошо-
рыхъ стоялъ гарнизонъ. Мрачная задумчи-
восшь ошягчала чело Грень Колина, и не
только не уменьшилась, напрошивъ еще бо-
лѣ увеличилась, когда священникъ сказалъ
свое имя, званіе и причину посъщенія. —

„Вы ничего не можете мнѣ сказать“ — отвѣчалъ сей офицеръ: „въ похвалу этого молодого человека, чему бы я не повѣрилъ охотно; вы не можете и желать, чтобы я сдѣлалъ въ его пользу болѣе, нежели сколько я самъ къ тому расположенъ и сколько я дѣйствительно уже усиливался сдѣлать; но все напрасно. Генералъ въ половину принадлежитъ къ спранамъ низменнымъ, и столько же къ Англіи. Онъ не имѣетъ никакого понятія о возвышенности и раздражительности характера горцевъ, въ коихъ часто бывающъ рѣзкія добродѣтели въ близкомъ отношеніи къ большимъ пресупленіямъ, коихъ однако происходятъ не столько отъ испорченности души, какъ отъ заблужденій разума. Я уже говорилъ ему даже, что въ этомъ молодомъ человѣкѣ умершии онъ лучшаго и храбрѣйшаго солдата моей роты, въ которой всѣ, или почти всѣ честны и храбры. Я рассказывалъ ему, какую спранную хитроспѣю причинена мнимая просрочка обвиненнаго, и сколько мало сердце его участвовало въ пресупленіи, совершенномъ его рукою. На это онъ отвѣчалъ: у горцевъ есть видныя, сколько же пустыя и вздорныя, какъ и впрочемъ видъ у Англичанъ. Настоящему побѣгу можете всегда служить предлогомъ пьян-

сво; убійство сержанта можешь бышь также прикрышо припадкомъ сумасшествія. Надобно показашь примѣръ — и если пошь, на комъ должно его показашь, хорошей солдатъ, шо шѣмъ болѣе подвѣйствуешь на другихъ смершь его. — Намѣреніе Генерала непреложно“ — продолжалъ Капитанъ Камбель, вздыхая, — „и вамъ, Г. Тири, остаеися только приготошишь присшупника къ пому великому переходу, которому рано или поздно всѣ мы должны подвергнушься.“

— „И къ которому“ сказала священникъ: „сподоби всѣхъ насъ Господь приготошишься такъ хорошо, какъ я буду спарашься приготошишь этого жалкаго молодого чедовѣка.“

На другой день, едва солнечные лучи привѣществовали сѣрыя башни, служащія вълицемъ необыкновенной ужасающей скалы, какъ солдаты новаго горскаго полка явились въ парадѣ, во внутренности Дунбаршонскаго замка, и поспроясь въ ряды, начали спускашься по крушымъ лѣсницамъ и узкимъ сходамъ, ведущимъ къ наружнымъ ворошамъ, въ самомъ низу скалы. Время ошь времени раздавались дикіе звуки *пиброка*, и были смѣняемы барабаннымъ боемъ и звуками флейшъ, наигрывающихъ маршь погребальный.

Участъ несчастнаго преступника не возбудила сначала шого общаго сожалѣнiя, кошорое конечно возродилось бы, если бь ему гошовили наказанiе шолько за побѣгъ. Убiйство Алланъ-Брека давало совсѣмъ иной видъ преступленiю Гамиша, ибо сержаншъ былъ любимъ и сверхъ шого принадлежалъ къ многочисленному, сильному клану, изъ кошораго много солдашъ было въ шпроу. Напротивъ шого, несчастный преступникъ былъ мало извѣстенъ въ полку и почти ни съ кѣмъ изъ солдашъ не находился въ связи. Опець его былъ, правда, знаменишъ своею силою и отважношью; но онъ происходилъ изъ клана бродящаго, какъ назывались шѣ кланы, кошорые не имѣли начальника для предводительства на битвѣ.

Во всякомъ другомъ случаѣ, почти было бы невозможно найти въ полку людей, гошовыхъ на исполненiе приговора; но избранные для шого шесть человекъ были друзья покойника и происходили, какъ и онъ, изъ племени Макъ-Донниль-Ду, почему и вмѣшивалось въ ихъ чувства жестокое желанiе удовлетворить именованiю, при исполненiи обязанности, на нихъ возложенной. Первая роша пошянулась изъ ворощъ; за нею послѣдовали и другiя, подвигаясь впередъ или останавливаясь, сообразно приказанiю

Адьюшанша, кошорый устроивалъ шакъ, чшобъ образовались при спороны продолговатаго карре, внутрь котораго были обращены лица солдашъ. Четвертая или пушная спорона карре замыкалась ушесисшою скалою, надъ кошорою возвышается замокъ. Въ центръ всей свшпы, съ обнаженною головою, связанными руками и безъ оружія, шла несчастная жертва закона военнаго. Смершная блѣдность покрывала лице Гамиша; но шель онъ пвердымъ шагомъ и глаза его блисшали болѣе, нежели когда либо. Его сопровождалъ священникъ; впереди несли гробъ, долженствовавшій заключить въ себя его смершныя останки. Товарищи его имѣли видъ угрюмый и поржешшвенный; но какъ скоро всѣ они могли явшшвенно увидѣшь молодаго чедовѣка, спройнаго спаномъ, мужешшвеннаго, хоши и покорнаго видомъ, сердца ихъ или болъшей часши изъ нихъ умягчилились соспраданіемъ. Даже нѣкошорые изъ шѣхъ, кошорые предались чувшшвамъ мщениа, жалѣли о немъ.

Гробъ, назначенный для принишіа шѣла Гамишъ Бена еще живаго, былъ посшавленъ въ концѣ карре, на сажень ошъ подошвы скалы, кошорая въ семь мѣспѣ возвышалась ошвѣсно, какъ спѣна каменная, на шрисша или чешырешта фшшовъ вышшношю.

Туда же привели узника, въ сопровожденіи пастыря, которъй дѣлалъ ему утѣшительныя увѣщанія и котораго онъ слушалъ, казалось, съ благоговѣніемъ. Тушь ошрядъ, которому надлежало стрѣлять, медленнымъ шагомъ и какъ бы съ большимъ принужденіемъ, всупилъ въ карре, и построился въ линію, лицомъ къ пресупнику, сажень на пять отъ него. Священникъ былъ уже готовъ удалиться: „Помни, сынъ мой, что я тебѣ говорилъ“ — сказалъ онъ: „и укрѣпи сердце свое надеждою, которую спарался я внушить тебѣ. Тогда тебѣ легко будетъ перейши отъ сего крашкого и жалкаго сущеснвованія въ жизнь вѣчную, неимѣющую скорбей. — Не могу ли я что нибудь еще для тебѣ сдѣлать?“

Молодой человекъ бросилъ взглядъ на пуговицы рукавовъ своихъ. Онъ были золотыя — взявши можешь бышь отцемъ его у какого нибудь Англійскаго офицера, во время междоусобной войны. Священникъ ошорвалъ ихъ.

— „Матери моей!“ сказалъ Гамишь съ нѣкошорымъ усиліемъ: „ошдайте ихъ бѣдной моей матери. Навѣстите ее, честный ошець, и внушите ей, что должна она обо всемъ помъ думать. Скажите ей, что Гамишь Бенъ умираетъ съ бѣльшею радосшію,

нежели была ша, какую онъ чувствовалъ, когда приходилъ съ продолжительной охоты на покой. Прощайше, сударь — прощайше!“

Почтенный священникъ едва былъ въ силахъ удалиться: одинъ изъ офицеровъ далъ ему опереться на свою руку. Когда онъ въ послѣдній разъ обратилъ свои взоры къ Гамишу, сей преклонилъ уже колѣна на гробъ; нѣсколько человекъ, находившихся подлѣ него, отошли въ сторону. Наконецъ дали роковой приказъ; въ скалъ съ громомъ опозвался звукъ выстрѣла, и Гамишъ упалъ со спонемъ на гробъ и умеръ, вѣроятно, не чувствуя и послѣдняго спраданія, пресѣкшаго дни его.

Тогда десять или двѣнадцать солдатъ изъ роты его приблизились и съ торжественнымъ благоговѣнiемъ положили въ гробъ трупъ своего поварища. Въ то же время били въ барабанъ и опять играли погребальный маршъ, а солдаты другихъ ротъ цѣпью пошянулись мимо гроба, съ шѣмъ, чшобы въ каждомъ впечатлѣлось ужасное зрѣлище, собственно для нихъ назначавшееся. Потомъ весь полкъ отправился опять на гору, при звукахъ веселой музыки, обычной въ подобныхъ случаяхъ, какъ бы для того, чшобы въ душѣ солдата ни нечисти, ни заботы не сохранялись надолго.

Между шѣмъ небольшой отрядъ, о которомъ мы говорили, ошнесь шрупъ несчастнаго Гамиша къ могилѣ, вырытой въ углу Дунбаршонскаго кладбища, назначенномъ для хороненія преступниковъ. Тамъ, посреди праха виновныхъ, лежишь молодой чело-вѣкъ, кошораго имя, если бь онъ пережилъ пагубныя обстояшества, повергшія его въ преступленіе, могло бы украшашь лѣшониши храбрыхъ.

Священникъ Гленоркійскій оставилъ Дунбаршонъ немедленно послѣ совершенія казни Гамиша. Онъ не могъ не согласишься въ умъ своею со справедливостію приговора, кошорымъ положено было, чшобъ цѣною крови плашишь за кровь, и не могъ не сознашься, чшю мшшительный характеръ его соотечешвенниковъ непременно должны бышь удержанъ крѣпкою уздою закона общешвеннаго. За всѣмъ шѣмъ онъ оплакивалъ челошва, содѣлавшагося его жертвою. Кто возропцешъ на небешную молнію, когда она сверкаешъ среди лѣса? и между шѣмъ, кто не возштенаетъ, когда она поразитъ прекрасный шволъ молодаго дуба, общавшаго возраста къ украшенію всей долины, на кошорой родился онъ? Священникъ разсуждалъ еще о горешномъ событіи, когда, въ самый полдень, пробираешъ онъ чрешъ ущелья,

ведуція въ горахъ къ его жилищу, весьма еще отдаленному.

Очень хорошо зная мѣстоположеніе въ родномъ краю своемъ, священникъ нарочно свернулъ съ большой дороги на одну изъ стѣхъ шропинокъ, по кошорымъ обыкновенно бродяшь только пѣшіе или вѣдящіе верхомъ на горскихъ лошадяхъ, кошорыя, не смотря на свою малорослость, имѣють твердую поступь, и столь же крѣпки, какъ и понятливы. Мѣсто, черезъ кошорое направлялъ онъ путь свой, было само по себѣ мрачно и пустынно, а суевѣрныя преданія сдѣлали его страшнымъ: увѣряли, что часто являешся шамъ, въ видѣ женщины, злой Духъ Cloght-Dearg, то есть Красный Плащъ, кошорый, будучи врагомъ людей и всѣхъ низшихъ существъ шворенія, бродяшь по долини въ всякое время, но особенно въ полдень и въ полночь, и дѣлаешъ всякое зло, какое только находишся въ его власти, а если кому не можешъ повредишь, стѣхъ поражаешъ ужасомъ.

Гленоркійскій священникъ всегда явно говорилъ прошивъ сихъ суевѣрій, по справедливости считаеваемыхъ имъ ошашками шемныхъ временъ папизма, а можешъ бышь и языческа, и незаслуживающими ни вниманія, ни вѣры Хрисціанъ вѣка просвѣщен-

наго. Нѣкоторые изъ жителей его прихода, наиболее къ нему приверженные, выговаривали ему за дерзость, съ какою противился онъ древнимъ повѣрьямъ опцевъ ихъ, и хотя уважали нравственную отважность своего пастыря, но не могли не изъявлять ему страховъ своихъ, чтобы когда нибудь не сдѣлался онъ жертвою своего неблагоприятія. Они опасались, чтобы его не изрубили въ куски въ долину Cloght-Dearg, или гдѣ либо изъ тѣхъ пустыхъ, населенныхъ Духами, мѣстъ, въ кошорыхъ какъ бы пошавлялъ себя въ славу ходитъ именно въ тѣ дни и часы, въ кошорые особенно предполагали шамъ вожденіе нечистыхъ силъ и власть ихъ надъ людьми и всякими пварьями.

Всѣ эти повѣрья пришли въ голову священника, и меланхолическая улыбка изобразилась на устахъ его, когда онъ подумалъ о несообразностяхъ напуры человеческой. „Сколько, мыслилъ онъ, есть храбрыхъ людей, кошорые, при воинственномъ звукѣ *пуброка*, бросились бы безъ всякаго страха на шпыки, прошивъ ихъ успрежденные, какъ дикій волъ бросается на врага своего, и тѣ же самые люди не дерзають пуститься на тѣ мечшательные ужасы, въ кошорые человекъ крошкій, неоплачающійся

крѣпостию жмщъ, вѣдешя шеперь безъ малѣйшаго опасенія.“

Обрацая взоры свои вокругъ себя, въ эшой пуспынной глуши, онъ не могъ не признашья въ самомъ себѣ, что нельзя было найши лучше мѣста для населенія нечиспыми духами, кошорые, какъ сказываюшь, любяшь дикость и уединеніе. Долина была шоль узка и горы вкругъ нея шоль ушесиспы, что едва нѣсколько лучей солнца могли проникать въ нее и опрашались въ маленькомъ ручейкѣ, прошекающемъ посреди сего ущелья, большею частію въ безмолвіи, но иногда съ унылымъ ропотомъ въ борьбѣ прошивъ огромныхъ каменьевъ, кошорые какъ бы нарочно пресѣкали ему путь. Зимою, или въ дождливое время года, эшотъ ручеекъ обращался въ пѣнистую, сердшую рѣку, обширности необьяшной, и шогда-то опшоргалъ онъ шѣ огромныя массы камня, кошорыя, ложась въ долину, прикрывали собою, эшомъ, его теченіе и какъ бы гошовы были совершенно пресѣчь его. — „Безъ сомнѣнія“ — подумалъ священникъ: „эшотъ самый ручей, низвергающійся съ горы, и причинялъ, во время паденія воды или въ бурю, всѣ шѣ бѣдшвія, кошорыя народъ приписываетъ Красному

Плащу, пошому именно, что они случались въ долиня, носящей это имя.“

Въ ту самую минушу, какъ на умъ его вершлась эта мысль, услышала отъ женскій голосъ, кричащій дико и произшельно: „Михаилъ Тири! Михаилъ Тири!“ Онъ посмотрывалъ вокругъ себя съ удивленіемъ и даже съ робостію. Ему показалось, что злой духъ, котораго существованіе онъ отвергалъ, явился и накинелъ его за невѣріе. Но эта робость была минутная и не помывшала ему спросить твердымъ голосомъ: „Кто зовешъ меня? гдѣ ты?“

— „Та зовешъ, которая бредешъ въ ницешъ и полумертвая“ — ошывчалъ голосъ, и при сихъ словахъ высокая женщина явилась изъ-за камней, скрывавшихъ ее отъ взора ошвенникова. По мървъ того, какъ приближалась она, по ея шарпану, почти совершенно красному, по высокому ея росту, по медлишельной поступи, морщинамъ на лицѣ и сверкающимъ изъ-подъ густыхъ бровей звѣрскимъ глазамъ, легко можно было приняшь ее за духа, котораго именована звана долиня. Однако Г. Тири узналъ въ ней пошчасъ женщину Древа, вдову Макъ-Тавишъ-Мора, машъ несчастнаго Гамишъ-Бена. Не знаю, не легче ли было бы пасшырю встрѣшитъ самаго Краснаго Плаща,

человек увидяши внезапно Эльоду, при мѣ-
сляхъ объ ея преступленіи. Какъ бы да-
дунъ испанскіи, удержавъ оныя свою дошадь
и, оспамовидяся, чинящъ собратъ съ ду-
хомъ, пока не подонгла она къ нему близко.

— „Микандъ Тири“ — дказала она:
„глухие люди Клакана (*) сядиашъ ше-
бя богомъ; будь моимъ богомъ и скажи мнѣ,
что сынъ мой живъ. Скажи мнѣ это, и я
продяду твоему няновданію. Я преклоню
колѣно въ седьмой день передъ каменнымъ
домомъ, и щой Богъ будешь ирикъ Богомъ.“

„Несчастнаго!“ ошвѣчала еященникъ:
„человѣкъ не заключаетъ условій съ Твор-
цемъ своимъ, какъ бы съ подобною себѣ
шварью. Не думаешь ли шоргодаться съ
шымъ, кто сошворитъ землю и всю вселен-
ную? Или можешь ты предсидати доказат-
ельства покорности и набожности, хотя
рыя заслуживали бы этого, чинящъ удосно-
иль. Оны воззрѣши на нихъ? Оны шребуещъ
повиновения, а не жершвы; шершныя въ пе-
ренесеніи испытаній, насъ сокрушающихъ,
а не дурацкихъ приношеній, какими чело-
вѣкъ видобриваетъ браша своего непоспо-
дигаго и, подобно ему самому, едощавлетъ

(*) То есть, деревенскіе.

наго изъ праха, чшобъ провестн его и ош-
вращншь ошъ прннншьхъ намъреннй.“

— „Молчн!“ ошвъчала ошчаянная жен-
щнна; „не выпаскнвай мнъ словъ нзъ
швоей бъллой кнннн. Родншелн Эльспн бнлн
нзъ чнсла швхъ, кошорые шворнлн крестное
знаменн и преклоннлн колънн прн звукъ
священнаго колокола; она знаетъ, чшо мо-
жно очншншься передъ жершвенннкомъ въ
помъ, чшо сдълано на полъ бншвы. Нькогда
Эльспа нмъла снада всякаго рода, нмъла
козь на скалахъ, коровъ и овецъ въ долинъ.
Нькогда носнла она зодошо вокругъ шенн и
на головъ, носнла ленты столь же шнро-
кнн, какъ у героевъ спараго въка. Она бн
все уступнла попу, все; несли бъ пожелалъ
онъ драгоцънностей какой-лнбо знанной да-
мы, нлн даже споррана какого ннбудь вла-
дълъца, хошн бъ столь же мощнаго, какъ бнлъ
самъ Макъ-Алланъ-Моръ, ему бъ и шо до-
ставнлъ Макъ-Тавншь-Моръ, еслн бъ Эльспа
ему обнщала. Теперъ Эльспа бднна, ей нече-
го давать; но черннй Аббатъ Иншафрейскнй
велъдъ бы ей бнчевать плеча розгамн и раз-
днрашь подошвы въ спранннчесшвъ, и про-
спнлъ бы ей, нвндя пролншую кровь н нзну-
ренное шдло. Таковы бнлн преннн священ-
ннкн; въ рукахъ нхъ шочно была власть н
надъ самнмн снльнымн людьмн. Слова, нзъ

усть ихъ выходящія, угрожали великимъ
земли, провозглашая судъ надъ ними изъ
ихъ книгъ, при блескѣ ихъ свѣщильниковъ
и при звукѣ ихъ священнаго колокола. Мощ-
ные люди подвергались ихъ волѣ; по слову
священника, разрѣшали узы связанныхъ ими
въ гнѣвъ, и выпускали безъ вреда на свобо-
ду тѣхъ, кто былъ осужденъ ими на смерть
и чьей крови они жаждали. Таковы-то бы-
ли тѣ сильные люди; имъ конечно ксшаши
было требовашь ошъ бѣдниковъ колынопре-
клоненія, потому что и знашныхъ они сми-
ряли. Но что жъ вы? — передъ кѣмъ вы
сильны? развѣ передъ женщинами, заражен-
ными сумасбродствомъ, или передъ мужчи-
нами, никогда неносившими меча? Преніе
священники подобны были ручью, копорый
въ зимнее время наводняешь эту долину;
сдвигаешь съ мѣста огромные камни и швы-
ряешь ими, какъ ребенокъ швыряетъ мячемъ.
Вы же? вы похожи на эпошь ручеекъ, из-
сохшій ошъ лѣшняго зноя, совращаемый
съ пуши спволомя дерева и пресѣкаемый
глубою земли. Горе вамъ, когда нельзя най-
ти въ васъ никакого пособія!“

Священнику легко было догадаться, что
Эльспа опреклась ошъ Римско-Католическаго
исповѣданія, не приславъ ни къ какому дру-
тому, но — что она удержала еще въ памяти

ничто смущенное и сбивчивое о томъ, какимъ образомъ ладилъ съ Римскимъ духовенствомъ посредникомъ даровъ и приношеній, а также и объ ихъ великой власти, кошорая, будучи подвигнута къ милосердію, могла бы, по ея мнѣнію, даже спасти жизнь ея сына. Приведенный въ жалость ея положеніемъ и снисходя къ ея заблужденіямъ и невѣжеству, онъ ошвѣчалъ ей весьма крошечко:

„Увы! несчастная женщина! Дай Богъ, чтобы я столь же легко могъ внушить тебѣ, гдѣ должна ты искать, и гдѣ навѣрное найдешь утѣшеніе, какъ легко мнѣ увѣришь тебя, что если бы Римъ и весь его священники были въ полной своей силѣ, то и тогда никакое покаяніе, никакіе дары не въ состояніи были бы доставить тебѣ облегченіе, или хоть немного тебя утѣшить! — Эльспа Макъ-Тавишъ, я долженъ сказать тебѣ горестныя вѣсти.“

— „Я ихъ знаю безъ тебя“ — возразила несчастная женщина: „мой сынъ осужденъ на смерть.“

„Эльспа!“ сказалъ священникъ: „онъ былъ осужденъ и приговоръ уже исполненъ.“

Несчастливая мать подняла глаза къ нему и испустила крикъ, столь различный съ голосомъ человѣческимъ, что орелъ,

сившійся по поднебесью, опивчалъ на шо, какъ бы на зовъ подруги своей.

— „Невозможно!“ вскричала она потомъ: „невозможно! Люди не могутъ осуждать и убивать въ одинъ и тотъ же день. Ты меня обманываешь. Народъ называетъ тебя святымъ! — Доспадетъ ли у тебя смелости сказать матери, что она убила единственнаго свое дитяще?“

„Богъ видитъ!“ — опивчалъ священникъ, заливаясь слезами: „что я желалъ бы принести тебѣ лучшаго вѣсти. Но я говорю тебѣ правду. Уши мои слышали смертельную вышурьдъ, глаза мои видѣли смерть, видѣли погребеніе своего сына. Уши мои свидѣтельствуютъ о томъ, что видѣли глаза и слышали уши.“

Жалкая Эльса спала ломатьъ себя руки и выгибать ихъ, поднимая къ небу, какъ Сибилла, врозглашающая войну и гибель, и въ то же время въ бышенствѣ ужасномъ, но безсильномъ, изрыгала пошюкомъ прокляшя, самыя жесточайшя. — „Подлый, скаредный Саксонецъ!“ вопила она: „низкій обманщикъ! пускай же глаза, кошорые хладнокровно смотрѣли на смерть моего бѣокураго Гамиша, допнууть ошъ слезъ по ближайшихъ своихъ родственникахъ и друзьяхъ! Пускай уши, слышавшя ударъ кончи-

ны его, останушыя нечувствительны ко всякому звуку, кромѣ крика врановъ и шипѣнія змѣй! Пускай языкъ, кошорый говоришь мнѣ о его смерти и о моемъ злодѣйствѣ, высохнетъ въ швоей горшани! — Или лучше, когда ты будешь на колѣнѣхъ съ швоимъ народомъ, пускай злой духъ руководствуешь, имъ и вмѣсто моленій, влагаетъ въ уста его богохульство, до шѣхъ царя, пока люди не побѣгутъ отъ шебя съ шрепетомъ, и пока небесная молнія, направленная на швою голову, не поразитъ ея и не осцѣновитъ навсегда проклятаго языка швоего! Прочь съ глазъ моихъ! Да послѣдуешь за шобою эшо проклятіе! — Ни, когда, никогда уже Эльса не пошрашитъ сколько словъ для швари, называемой чедвѣнкомъ!"

Она сдержала обѣщаніе. — Съ эшого же дня свѣтъ сдѣлался для нея пустынею, и она жила безъ всякаго участія въ шомъ, что ее окружало, ни о чемъ не заботясь, ни о чемъ не думая, погруженная единственно въ самое себя, равнодушная ко всему, кромѣ своей печали.

Образъ жизни ея, или лучше существованія, уже извѣщенъ читателю; о смерти ея не могу я сказать ничего. Полагаюшь, что она умерла нѣсколько лѣтъ спустя

послѣ того, какъ обратила на себя вниманіе моею почтенной пріятельницы, Миссисъ Бешуны Баліоль, которая, не довольствуясь бесплоднымъ соблазнованіемъ, когда можно было оказать благошвореніе, старалась всячески облегчить участь сей несчастной женщины. Но все, что удалось ей сдѣлать, заключалось въ постоянномъ доставленіи ей средствъ къ пропитанію, хотя и къ тому Эльспа оставалась совершенно равнодушна. Нѣсколько разъ покушались помѣстить кого нибудь въ ея хижинѣ, чтобы имѣть о ней попеченіе, но никогда не могли въ помощь успѣть; препятствіемъ тому были и досада, какую оказывала она ко всему, что нарушало ея уединеніе, и робость людей, которыхъ назначали для жишья съ ужасною женщиной Древа. Наконецъ, когда Эльспа сдѣлалась совершенно неспособна (по крайней мѣрѣ по наружности) повертывавшаяся на плохой скамьѣ, служившей для неѣ постелью, преемникъ Г. Тири, изъ челоуколюбія, послалъ къ ней двухъ женщинъ, чтобы имѣли о ней попеченіе въ послѣдніи минушы ея, уже близкія, какъ полагали, и чтобы не погибла она отъ недостатка пищи или пищи, прежде нежели старость и болѣзнь сведутъ ее въ могилу.

Вечеромъ, въ Ноябрь мѣсяцѣ, назначенныя двѣ женщины пришли въ лачугу, кошорая была описана вѣше. Несчастливая ея обитательница лежала на одрѣ своемъ, уже во всемъ подобная безчувственному шрупу, кромѣ того, что черные глаза ея страшно крупились и сверкали, какъ бы съ изумленіемъ и досадою на такое неожиданное и непріятное посѣщеніе. Женщины испугались ея взглядовъ, но успокоивая другъ друга, онѣ развели огонь, зажгли свѣчу, сготовили пищу, и сдѣлали все, чего требовала возложенная на нихъ обязанность. Между собою условились онѣ сидѣть попеременно у постели больной; однако въ полночь, побѣжденные усталостью отъ дневныхъ трудовъ и большой ходьбы, онѣ обѣ уснули крѣпкимъ сномъ. Когда же, черезъ нѣсколько часовъ, проснулись, то вскорѣ удостоверились, что кромѣ нихъ нѣтъ никого въ хижинѣ, и больная скрылась. Съ ужасомъ вскочили онѣ и бросились къ двери, но увидѣли, что она заперта задвижкой, какъ было съ вечера. Тушъ сжали онѣ, въ пошмахъ, ощупывая по всемъ угламъ, и кликали по имени шу, кошорая была ввѣрена ихъ попеченію. Ночной коршунъ кричалъ на вершинѣ стараго дуба, лисица выла на холмѣ; имъ вшорали ошзымъ падающаго

вдали попока, но нигдѣ не было слышно голоса человѣческаго. Испуганныя женщины не смѣли дѣлать до утра дальнѣйшихъ поисковъ: для нихъ довольно было и того ужаса, что споль слабая женщина внезапно исчезла. Никакъ не рѣшились онѣ переступить за порогъ, а сидѣли полумершвыя въ хижинѣ, прислушиваясь къ каждому звуку, и то казалось имъ, что слышатъ голосъ ушедшей спарухи; то какъ бы какіе чудные ошголоски примѣшивались къ завываніямъ ночнаго вѣтра и къ шуму водопада; то вдругъ оцѣнь задвижка начинала шевелиться, какъ бы ошѣ прикосновенія слабой руки, напрасно покушающейся ошдернуть ее, и съ каждымъ мгновеніемъ ожидали онѣ, что явится снова ужасная спаруха, и можешь бышь не одна, а въ сопровожденіи какихъ нибудь существъ, споль же страшныхъ, какъ она сама. Наконецъ разсвѣло. Тщешно обзгали онѣ всѣ кусты, пригорки и овраги. Часа два спустиа пришелъ священникъ, и услышавъ о такой странности, приказалъ созвать людей и снова обыскашь хорошенько всѣ закоулки по близости ошѣ хижины и дуба. Все было напрасно. Эльсны не нашли ни живой, ни мершвой, и въ послѣдствіи никогда не было ошкрыто ни ма-

дѣйшаго обстоятельста, по копорому бы можно было заключить объ ея участи.

Сосѣдніе жители думали разнѣ о томъ, куда она дѣлась. Легковѣрнѣйшіе полагали, что злой духъ, копорому она всегда повиновалась, унесъ и плоть и душу ея; и естѣ еще люди, копорые ни за что не пойдуть въ урочный часъ мимо дуба, подъ копорымъ, какъ увѣряють они, все еще сидитъ она по своему обычаю. Другіе, не сполько суевѣрныя, думали, что если бы возможно было проникнуть въ бездну Корри-Дускую, въ глубину озера или на дно рѣки, то вѣрно нашелся бы шуръ Эльсы Макъ-Тавишъ, и что когда разсудишь, въ какомъ положеніи были шѣло ея и разумъ, ничего нѣтъ естѣшвеннѣшой мысли, что она или упала случайно, или бросилась въ какое нибудь изъ сихъ разрушительныхъ мѣстъ. Священникъ думалъ по-своему. Онъ полагалъ, что не могли снести присущствія присланныхъ къ ней двухъ женщинъ, она, по тому же инстинкту, копорый свойственъ разнымъ домашнимъ животнымъ, удалилась отъ собственнаго своего племени въ какую нибудь заглохшую пещеру, чтобы испустишь духъ свой тамъ, гдѣ безъ сомнѣнія ни одинъ взоръ смершнаго не могъ на ней остановиться. Ему казалось, что такое чувство инстинк-

на согласно было и съ прежнюю жизнью сей несчастной женщины, а шъмъ еще болѣе могло оно дѣйствовать въ ней при ея кончинѣ.

II.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

I.

РАЗМЫШЛЕНІЯ О ВОЙНѢ 1812 ГОДА, ПО ПРОЧИТАНІИ РАЗНЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ И ПО СООБРАЖЕНІИ РАЗЛИЧНЫХЪ СУЖДЕНІЙ ОВЪ ОНОЙ.

(Окончаніе.)

Россійскій Полководецъ принялъ противъ Наполеона систему осторожности, подобно, какъ Фабій противъ Аннибала. Ему шло о спасеніи ошечества, а не о блескѣ собственнаго честолюбія. Поелику по времени года и по сближенію въ шълу Наполеона второсшепенныхъ Россійскихъ армій, Кушуровъ разсчелъ, что непріятельскія силы, прежде нежели дойдуть до границы, будутъ истреблены, шо и дочислялъ уже

излишнимъ и неумѣстнымъ всякое напряженіе, хотя по видимому могущее приспѣвать какой часный успѣхъ, но вмѣстѣ стоящее жизни, или здоровья воиновъ, а иногда могущее, по какому непредвидимому приключенію, навлечь несчастіе, коему всякая рѣшительная бѣтва подвержена и при благоприятнѣйшихъ обстоятельствахъ. — Обдуманность и осторожность были главными чертами характера и генія Кушужева. Безъ необходимости не пускался на удачу. Онъ болѣею часію билъ непріятеля, пѣкъ сказать, не руками, а хитростію и позиціями, заславля его самого себя истреблялъ. Если бы онъ поступалъ иначе, то поступалъ бы несообразно съ своимъ геніемъ, кошорый былъ совершенно прошивоположенъ генію Наполеона. Сей подобень былъ нечаянному, быспрому наводненію, срывающему вдругъ съ шумомъ мосты и плошины; другой былъ подобень шихой, глубокой рѣкѣ, подкапывающей непримѣнно основаніе плошинъ, кошорья послѣ сами обрушася опрокидывающяся. Кушужевъ подъ Краснымъ зналъ, что онъ опередилъ Наполеона, но зналъ также характеръ своего соперника, и какія чудеса можеть произвѣсти опчаяніе. Остановленный Наполеонъ вѣрно бы не положилъ оружія. Имѣя тогда

въ шѣхъ мѣстахъ еще болѣе 60,000 войска, чего бы не испыталъ для своего спасенія? Прозошла бы самая ужасная бѣдѣва. Чѣмъ бы она кончилась? — Совершенное истребленіе его съ цѣлымъ войскомъ было бы событіе менѣе всего вѣроятное. За шѣмъ, оставалось только предполагать, что онъ принужденъ бы былъ купить себѣ дорогу пошерю болѣеи части своего войска; за то сколько бы пршеряла и Россійская армія! Но если бѣ, сверхъ чаянія, приключился какой непредвидѣнный случай, которыи бы еще рѣшилъ дѣло въ его пользу, каковыи неожиданности нерѣдко бывающъ на войнѣ: тогда бы разрушился могъ и весь планъ кампаніи. Въ Истори естѣ много примѣровъ подобныхъ приключеній; въ наше время можно за шакое почестъ пагубное для Наполеона Кульмское дѣло. — И шакъ, соображая, что силы Наполеона еще значительны, что онъ самъ спонлъ цѣлой арміи, и что неудача могла бы навлечь опасность для всей Россіи; съ другой же стороны, предвидя совершенную вѣроятность, что Наполеоновы войска, пока дойдутъ до границы, будутъ истреблены, Кушуровъ, кажется, справедливо оставался при своей системѣ осторожности. Сначала подъ Краснымъ пропустилъ Наполеона съ частію

войскъ, и не дѣлая ему преняшества, чрезъ что слабые части его арміи раздѣлялись на двое, и следовательно въ каждой порознь части сдѣлалась слабѣе. Предвидя, что Наполеонъ, приведенный въ личную безопасность, болѣе не спашетъ съ опчаяніемъ бросаться назадъ, на помощь сдѣловавшимъ за нимъ войскамъ своимъ, Кушуровъ сълучающею вѣрностию поражалъ проходившіе послѣ за Наполеономъ корпуса Вице-Короля и Даву, кои купили свой пропускъ пошерю бѣлой части своихъ войскъ, всей почти артиллеріи и обозовъ; корпусъ же Ней, послѣдній и совершенно для Русскихъ безопасный, опрѣзавъ и уничтожилъ такъ, что самъ Ней едва спасся. Такимъ образомъ Россійскій Полководецъ, воздержавъ Наполеона отъ мѣръ опчаянныхъ, частными, но вѣрными пораженіями нанесъ ему подъ Краснымъ болѣе испребленія, нежели бы могъ нанести въ двухъ регулярныхъ, для Наполеона несчастныхъ сраженіяхъ, не подвергая при томъ своихъ войскъ ни опасностямъ, ни же пошерямъ.

Кушуровъ подъ Краснымъ тѣмъ менѣе имѣлъ причины употреблять крайности, что приготовлено было Наполеону вшоричное пораженіе при переходѣ черезъ Березину; щадилъ же войска свои сколько по

долгу человечества, сколько и по благо-
 разумію; ибо и Россійская армія, ошъ бы-
 строга преслѣдованія непріятеля, може ше-
 рила множешво людей, выбывшихъ изъ
 строя; слѣдовательно было бы не у мѣста
 умножать ихъ пошерю хвасшливыми аша-
 ками и безъ того гибнущаго непріятеля.
 Напрошивъ, спарался всѣми мѣрами беречь
 жизнь и здоровье солдашь, зная, что чѣмъ
 сильнѣе Россійская армія, тѣмъ успѣхъ ея
 вѣрнѣе при всякихъ могущихъ предспавишь-
 ся обстоятельстввахъ. Для того-шо ошъ
 часто и держалъ дневки, за что шакже нѣ-
 которые азардники его порицають, полага-
 гая, что ему надлежало бы гнашься спрем-
 гавъ, не щадя никакихъ пожертвованій. —
 Послѣдствіе оправдало дѣйствія Кушужева,
 не столь шумныя, но за шо вѣрнѣйшія.

Въ какомъ положеніи Наполеонъ бѣжалъ
 ошъ Краснаго, и чего споняъ ему переходъ
 черезъ Березину, — вѣсьмъ извѣстно; равно
 извѣстно и шо, что до Россійской границы
 послѣдовало совершенное уничтоженіе его
 армій. Нѣкоторые чернильные богашырикъ и
 тѣмъ не довольны, утверждая, что если бы
 постушлено было по *ихнему*, Наполеонъ не
 избѣгнулъ бы паѣна. Сколько имъ вѣрнѣе
 можно, ссылаюсь на Исторію Бушуранина,
 гдѣ объяснено, что шогдашнія движенія Рос-

сійскихъ [армій имѣли въ виду не столько плавленіе Наполеона (возможность чего была всегда сомнительна), сколько престѣвленіе ему сообщенія съ корпусами Шварценберга и Макдональда.

З а к л ю ч е н і е.

Разсмотримъ въ совокупности ходъ войны 1812 года съ ея началомъ и послѣдствіями.

Наполеонъ хотѣлъ покорить Россію; Россія противоборствовала. Онъ имѣлъ пособія всей почти Европы; Россія только свои. Россійскій Государь, узнавши неравенство силъ военныхъ, открываешь своему народу угрожающую опасность, призываетъ его къ оборонѣ и предоставляетъ Провидѣнію рѣшить задачу: *Россія въ нынѣшнемъ ея положеніи достойна ли быть въ Европѣ первостепенною, независимою Державою?* Что Наполеонъ также не пренебрегалъ ея силами, это доказываютъ его преогромныя приговоренія.

Не будемъ шерять времени подробно-сшими на счетъ частныхъ ошибокъ, какія могли произойти съ той и съ другою стороною, и коихъ никто избѣгать не можетъ, съ этою только разницею, что одинъ дѣ-

лаешь ихъ болѣе, другой менѣе, одинъ способѣе другаго исправляешь оныя. Наше вниманіе обращено на главныя чершы сей до-шпоцамяшной кампаніи.

Что такое значилъ Наполеонъ до кампаніи 1812 года? что тогда значили его арміи? видѣшь ихъ и не бышь мгновенно уничтоженнымъ, казалось уже дѣломъ необычайнымъ. Сей то Наполеонъ и сіи-то арміи открывающъ походъ прошивъ Россіи; вся Европа обрашила на то взоры. По примѣру прежнихъ кампаній, ожидали на границѣ роковаго сраженія, долженствующаго рѣшишь судьбу Сѣвера, и можешь бышь, всего Свѣша. Наполеонъ переходилъ черезъ Нѣманъ, но сраженія не было; Россійскія арміи безъ сопрошивденія отступаютъ; Европа въ изумленіи! Россійскіе полководцы, разсчитывая превосходство силъ непріятеля, уклонялись отъ рѣшительнаго сраженія, и прибѣгали ко внутренимъ силамъ Россіи. — Но какъ долго надлежало отступать, и до котораго пункта? — Сіе трудно было предвари-тельно произнести. Геній Русскаго народа, шеченіе дѣлъ и благоразуміе военачальниковъ должны были указать чершу остановки и мѣру пожертвованій — тамъ, гдѣ силы Наполеона, истощенныя частыми сраженіями, походами и недоспашками, пошерающъ

свое превосходство, — тамъ, гдѣ опасно-
стию развернувшись внутреннія силы Рос-
сиі воспримуть зрѣлое дѣйствіе, — тамъ
остановившя опшупленіе Россійской ар-
міи, и рѣшишя участь Россіи, Наполеона
и Европы. Эша черта, какъ послѣдствіе
открыло, была за Москвою.

Для просаго ока, кто на войнѣ идеть
впередъ, шотъ называется побѣдителемъ, а
кто опшупаетъ, шотъ называють побѣ-
жденнымъ. Такимъ образомъ нѣкошорые Пи-
сатели опшупленіе Русскихъ до Москвы
называютъ пораженіями, а слѣдованіе за
ними Французскихъ войскъ считають по-
бѣдами. Не знаю, правильно ли изъясняютьсѣ.
Когда цѣль Россійскихъ Генераловъ была
уходить и уходили, кажешя, шотъ проиг-
рышемъ назваш не лзя. По послѣдствію
вышло напротивъ: шествіе Наполеона впе-
редъ, внутрь Россіи, было для него гибелью,
а опшупленіе Русскихъ было для нихъ спа-
сеніемъ. Надлежитъ всю кампанію 1812 года
считашъ за одинъ маневръ или за одно сра-
женіе, нѣсколько мѣсяцевъ въ разныхъ на-
правленіяхъ продолжавшееся, коего харак-
теръ опредѣляешя концемъ, а не частными
въ продолженіе онаго битвами.

Посмотримъ, какимъ образомъ происхо-
дило шотъ преогромнѣйшее сраженіе.

Отъ границы до Вишебска особенно важнаго ничего не происходило, кромѣ того, что Наполеонъ, вшедши между двухъ Россійскихъ армій, усиливался: 1-е не допускашъ имъ соединиться, и 2-е опрѣзашъ ихъ отъ Москвы; но и въ томъ и въ другомъ испытала неудачу. Россійскія арміи и соединились и не дали себя опрѣзашъ.

Русскіе спали встрѣчашъ съ пѣтми волшебными войсками, кои побѣдили Европу — подъ Полоцкомъ, подъ Вишебскомъ, подъ Смоленскомъ, но не исчезали, а боролись, даже поражали; уходили, по приказанію начальниковъ, а не бѣжали; самъ непріятель удивлялся спройности ихъ опшупленій. Французы хоша и провозглашали себя побѣдителями — для того, что шли впередъ (какъ выше сказано), однако въ душѣ чувствовали важность прешерпвныхъ ими кровавыхъ оппоровъ, кои не похожи были на обыкновенные оппоры побѣжденныхъ. Часпо дралися съ задними Россійскими войсками уже не сколько для уничтоженія непріятели, сколько для собственнаго спасенія. Бородинское сраженіе было кровопролитнѣйшее въ Новой Исторіи. Въ семь сраженій Россійская армія, вмѣщавшая въ себя не малую часть новонабраннаго войска, цѣлый день боролась съ

далеко превосходящею ее числомъ отборною Французскою армією, изъ однихъ старыхъ воиновъ состоявшею, подъ личнымъ предводительствомъ завоевателя Европы и лучшихъ его Маршаловъ и Генераловъ; — и, не смотря на все то, Россійская армія не только не попустила себя разрушиться, но еще наносила непобѣдимому доподъ войнству Французскому неслыханные, прегромзньшіе удары, приведшіе въ препень самого Наполеона, кошорый, судя по послѣдствіямъ, (если бъ спыдъ не удержалъ его) долженъ былъ тогда же, для спасенія своей арміи, рѣшиться на отступленіе, согласно мѣнью храбрѣйшаго изъ его Генераловъ (*). Сіе колоссальное сраженіе, говорю, каковаго и самъ Наполеонъ еще не видалъ, доказало доброшу и Россійскаго войска и его предводителей. Вождь умѣлъ выбрать позицію, ее укрѣпить и управлять движеніями войскъ такъ, что выдержалъ најесшочайшую борьбу съ первѣйшимъ въ свѣтѣ полководцемъ и первѣйшими въ свѣтѣ войсками. Предначертанный Наполеономъ планъ рушился, и сами Французы, во все продолженіе сраженія, не примѣтили ошибки со стороны Русскихъ.

(*) Маршала Нея.

Ночь преградила сраженіе, нерѣшенное ни на ту, ни на другую сторону; съ обѣихъ сторонъ взято нѣсколько пушекъ и немного пѣхотныхъ. Не шакого конца искалъ и желалъ Наполеонъ (*). На другой день Россійская армія предпріяла ошсупленіе, но ошсупленіе не шоропливое, а медленное; Французская за нею слѣдовала, но не наступая, шла съ робостію и уныніемъ. Что Россійская армія хорошо сдѣлала, ошсупная, а Французская погрѣшила, идучи впередъ, это доказало послѣдствіе. Дальнѣйшія движенія Русскихъ за Москвою, выборъ Тарушинской позиціи и наконецъ предупрежденіе Наполеона подѣ Малымъ Ярославцемъ служатъ новымъ доказательствомъ благоразумія Полководца. Самое сраженіе подѣ Малымъ Ярославцемъ досшойно замѣчанія. Ошборнѣйшій изъ Французскихъ Полководцевъ, Евгенийъ, съ наилучшимъ войскомъ, цѣлый день сражается съ Русскимъ Корпуснымъ Генераломъ Дохшуровымъ (кошорый, какъ Французы увѣряють, имѣлъ подѣ на-

(*) Сегюръ и другіе Французскіе Писатели называютъ это побѣдою неполною. Раппъ въ своихъ Запискахъ говоритъ, что успѣхъ сраженія не сошвѣшшовалъ пожершвованіямъ. Маршалъ Ней щогда же совѣшшовалъ решировашься.

чалствомъ однихъ рекрутъ) и цѣлый день не только не разбиваетъ соперника, но самъ претерпѣваетъ чувствительныя потери, заставившія Наполеона осмыслить сподручное для него предпріятіе, ишши на Калугу (*). Дальнѣйшій маршъ Россійской арміи до Краснаго снова заслуживаетъ похвалу. Сближеніе вѣророспеленныхъ Россійскихъ армій въ Липвѣ на встрѣчу опшунующей большой Французской арміи, есть движеніе доспохвальное. Дипломатическія мѣры Россіи не менѣе доспойны похвалы, заключеніемъ тогда мира съ Турціею и обезпеченіемъ себя со стороны Швеціи; каковыя-то мѣры и подали возможность дѣлать сподручные въ шлу большой Французской арміи диверсіи, и принудили ее къ гибельному ошступленію. Языкъ Правительствва съ народомъ былъ самый сообразный съ его характеромъ. Чшо слово,

(*) Кажется, что Корпусъ Дохшурова не состоялъ изъ однихъ рекрутъ, но что самъ Наполеонъ шакъ разглашалъ для оправданія предъидущихъ своихъ объявленій, будшо бы прежними, шакъ называемыми, побѣдами испребилъ уже всю Россійскую армію. Ошкуда же подъ Малымъ Ярославцемъ взяли Русскія войска? Нужда заставила сказать, что эшо войска новонабранныя.

шо дѣло. Обвѣщанія Россійскаго Правительсва были мужественны, не хвастливы и не малодушны. Пошомство возможно ихъ чинашь, не красясь. Народъ оказалъ удивительный примѣръ швердоси духа и гошовности на всякія пожертвованія. Вшорженіе Наполеона во глубину Россіи и всѣ соединенныя съ шьмъ разоренія и опасоси не убивали, а возвышали духъ народа. Во все продолженіе чрезвычайныхъ ужасовъ сей кровавой и убійственной войны, не было въ коренныхъ Россійскихъ губерніяхъ ни одного внутренняго безпокойсва, ни одного измѣнника.

Такимъ образомъ Россія показала, что вмѣщаетъ въ себя силы досташочныя прошивуשותь всей Европѣ; показала здравый разсудокъ въ Политикѣ, искусство и храбрось на войнѣ, шерпніе въ опасносняхъ, швердось и ешойкось въ предпріятіяхъ и дѣйсвіяхъ. Полководцы ея умѣли приноравливатьсѣ къ мѣсшнымъ обстоятельсвамъ и оными пользовашься: и пространствомъ земли, и климатомъ, и духомъ народнымъ. Среди края, обильнѣйшаго хлѣбомъ и скоповодствомъ, обильнѣйшаго мѣхами и лѣсами — умѣли засшавишь непріятеля умирашь съ голоду и холоду. Предпріятіе Наполеона оказалось

дерзкимъ, и Россія умѣла наказашь дерзость. Въ сравненіи съ тою важною, величественною цѣлю что значашь мѣлочныя замѣчанія на счетъ Россійскихъ Полководцевъ и войска? — Замѣчанія, водимыя, можешь бышь, невѣдніемъ или завистью. Война 1812 года сдѣлала великій переломъ въ политическомъ состояніи всей Европы; дальнѣйшіе походы 1813 и 1814 годовъ были уже слѣдствіями оной. Дѣйствія Россіи въ 1812 году разрушили нравственную силу Наполеона и его армій, дошолъ неодолимыхъ и спрашныхъ, показавъ, что можно съ ними бороться, что даже можно ихъ бишь; показавъ, что такое въ состояніи произвешти поспѣшво и шerpвнѣе при мѣрахъ благоразумныхъ. Народы, поработенные Наполеономъ, сдѣлалися смѣлѣе, шогда, какъ съ другой стороны онъ, лишасъ шѣхъ бодрыхъ войскъ, воспитанныхъ на поляхъ побѣдоносныхъ, и самъ познакомившися съ неудачами и несчастіями, спашъ уже спунашъ робкими шагами. Народы шѣ, присоединяеш къ Россійскимъ силамъ, возвратили себѣ свою независимость.

Такъ, кампанія 1812 года весьма достопамятна и поучительна. Поучительна не шолько въ отношеніи техники Военнаго Искусства (ибо шѣ самыя маневры въ другой

земля, у другаго народа, безъ шѣхъ средствъ, не произведущъ шѣхъ самыхъ послѣдствій: это была война не столько физическая, но борьба характеровъ). Поунизительна же въ отношеніи нравственномъ, по тому *во-первыхъ*, что открыла, сколь съ политическимъ бытіемъ Россіи собразны ея образъ правленія, религія, духъ народа, его обычаи и даже нѣкоторыя предрасудки; *во вторыхъ*, что дала урокъ завоевателямъ, не пренебрегать чelовѣчествомъ. Наполеонъ ошибся не въ движеніяхъ военныхъ, а въ понятіи о Россіи. Другую погрѣшность онъ сдѣлалъ самую непрощительную, состоящую въ томъ, что поступалъ въ Россіи безчеловѣчно. Повелѣнія его при оккупированіи подорвали Кремль и сжечь Смоленскъ, оставаясь на всегда постыдными знаками низкой злобы. Этимъ онъ ничего не выигралъ, а только раздражилъ и Русскую армію и народъ, за что послѣ и дорого заплащивъ. Великій чelовѣкъ долженъ имѣть великую душу. Императоръ Александръ опомнился своимъ врагамъ благодареніями и великодушіемъ.

Вышеобъясненное показываетъ, сколь неосновательны разнесшіеся по Европѣ слухи, будто бы всему претерпѣнному Французскою арміею за причину была единствен-

но зима. Незнающіе дѣла сему вѣряють шѣмъ болѣе, что и подлинно на рѣширадѣ немало солдатъ погубило ошъ холода, да и сами можешъ бышь видѣли на возвращившихся изъ Россіи печаша морозовъ. Однако бѣдушъ думашъ иначе, коль скоро себѣ припомнишь, что Русская зима сколько же была извѣстна Наполеону, сколько и средствъ, коими шамъ защищающа ошъ оной. Но сими средствами владѣешъ сколько побѣдишель. Зима сама по себѣ не помѣшала бы Наполеону ошашься въ Россіи, если бы не спояла предъ нимъ опасная для него главная Россійская армія, и не зашли къ нему въ шѣмъ вшоросшепенныя, какъ шо выше подробно изъяснено. Впрочемъ на рѣширадѣ шерпѣли его войска изнеможеніе не сколько ошъ холоду, ибо до самой Березины погода была не шакъ еще дурна, и при всѣхъ переправахъ чрезъ рѣки надобно было наводиць мосты, знакъ, что еще не было крѣпкихъ морозовъ; да и солдатъ, не янѣ и его конь, можешъ снесши холодъ, коль скоро во время подкрѣпляешся пицею, пишемъ и нужнымъ послѣ шрудовъ ошдыхомъ. Но безпреспаннне форсированныя марши по истощеннымъ дорогамъ, безъ продовольствія и ошдыху, при безпреспанннхъ кровопролитныхъ бшвахъ, были при-

чиною, что люди изнурялись и теряли плесныя и душевыя силы; гибли лошади и скошь, для продовольствія назначенный; войско оставалось безъ конницы и артиллеріи. Не мудрено, что при такомъ положеніи многіе, лишась силъ, и отъ холода умирали. Но для чего Наполеонъ не атаковалъ, не разрушилъ арміи Кушужева? для чего опшупалъ форсированными маршами, и къ тому еще по дорогамъ разореннымъ? Тому были причиною распоряженія Русскихъ Полководцевъ и дѣйствія Русскихъ войскъ, между коими Наполеонъ, отъ Малаго Ярославца до границы, промчавшись какъ бы сквозь снрой, расперялъ свои арміи, и самъ едва спасся. И шакъ прешерпѣнные Французскими войсками голодъ и холодъ были не причинами, но послѣдствіями военныхъ движеній, были не главными; но причастными орудіями къ истребленію Наполеоновыхъ силъ, произведенному мечемъ и огнемъ войскъ Россійскихъ.

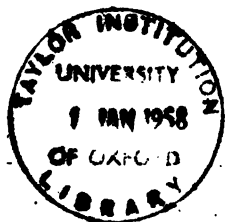
Нѣкошорые Французскіе повѣствователи сего похода, при всемъ стараніи казались безприсрасшными, не могушь однако избѣгатьъ частыхъ, невольныхъ порывовъ скорби народнаго самолюбія; часто вырывающся у нихъ на счешъ Русскихъ колкоши; дѣйствія Французовъ по бѣльшей ча-

спи съ излишествомъ превозносяшь, и даже при неудачахъ находяшь въ нихъ какія-то черны героизма, безъ котораго-де могло бы еще хуже бышь; говоря же про успѣхи Русскихъ, всегда находяшь въ нихъ какіе-то пороки, говоря, что можно бы было еще лучше сдѣлать. Особенно эими упреками часто подчивающъ Купузова, котораго — какъ бы въ опмщеніе за прешерпѣнное чрезъ него зло — называющъ шо хипрецомъ, шо слабымъ, лѣнивымъ спарцемъ (*). Когда гдѣ Французскій повѣствователь начинаешъ распространяшья подробностями о прешерпѣнныхъ его едиоземцами изнуреніяхъ, эшо знакъ, что вскорѣ наступашъ описаніе какого ихъ пораженія, которе хошяшь закрасишь шакимъ предвареніемъ, оправдывающимъ неудачу Французовъ, безъ оскорбленія ихъ самолюбія на счешъ храбрости и военнаго искуства. Даже повѣствователи другихъ народовъ, которыми успѣхи Россіи послужили въ пользу, не совсѣмъ свободны ошъ предразсуд-

(*) Забывая, или не зная шого, что самъ Наполеонъ отдавалъ ему полную справедливостъ ошзывомъ въ Бундау, касательно сооруженія ему монумента, какъ шо свидѣтельствуешъ достовернѣшій изъ Французскихъ Писателей, Баронъ Фейъ.

ковъ прошивъ Русскихъ, будучи огорченныя мыслью: для чего мы не устояли противъ Наполеона? Уже ли Русскіе насъ храбрѣе, умнѣе? — И такъ почти всѣ шеперешніа сочиненія о сей кампаніи наполнены, болѣе или менѣе, предубѣжденіемъ прошивъ народа, внезапно вступившаго на первую степень. — Предъ кампаніей 1812 года малѣйшую удачу прошивъ Наполеона считали за чрезъестественное чудо; а шеперь, когда страхъ прошелъ, шолкуютъ объ немъ, какъ бы о Генералѣ обыкновенномъ, и даже опорочиваютъ его побѣдителей шѣмъ, что будто бы могли лучше сдѣлать. Такъ-шо люди забывчивы! Такъ велика сила предразсудковъ! Со всѣмъ шѣмъ надлежитъ ихъ благодарить и за то, что хотя въ положиву открыли правду, иначе нельзя бы было многимъ за границую выбить изъ головы мнѣнія, будто бы единственню съверный въшрь рѣшилъ эшу кампанію, можетъ бышь, наиважнѣйшую для цѣлаго свѣша.

Надобно полагаешь, что позднѣйшіе Историки лучше будутъ судить о сей кампаніи.

Журналъ Англійскаго офицера, бывшаго военнопленнымъ въ Парижъ, въ первые четыре мѣсяца 1814 года.

(Оконтаніе.)

На Монмартрѣ всего навсе было восемь артиллерійскихъ орудій (6 пушекъ и 2 гаубицы), хотя оныхъ стояло болѣе сотни на Марсовомъ полѣ, безъ всякаго употребленія. Башшарей о 28 пушкахъ была построена, по приказу Генерала д'Абовилля, на Венсенской дорогѣ, подлѣ входа въ лѣсъ. Ею командовалъ Маіоръ Эвель; орудія направляли на ней артиллеристы старой гвардіи, а службу исправляли пиномцы Политехнической школы; которыхъ было на этомъ мѣстѣ двѣсти семьдесятъ шесть человекъ. Въ 11 часовъ, союзная конница на скакала на сію башшарей; какъ находившіеся на ней не имѣли при себѣ для защиты оной пѣхотныхъ войскъ, то принуждены были бѣжать; но ни лошади ихъ, ни сами вздоки не имѣли еще навыка къ сей службѣ, и потому они не могли увезти съ собою орудій. Они ушли подъ защитою двухъ башшарей, поставленныхъ подлѣ засады Трона (b. de Trône); одна изъ нихъ, о ше-

ещи орудіяхъ, была управляема конными артиллеристами, а другая морскими. Сія башшарей спрѣляли каршечью, и какъ въ то же время ошрядъ кирасировъ сдѣлалъ напискъ на союзниковъ, то пишомцы Полишешической школы успѣли забрашь свои орудія и присоединишь ихъ къ шѣмъ, кои стояли у засшавы Трона. Они спрѣляли каршечью во весь ошашокъ дня, и шолько въ 10 часовъ вечера узнали о капишуляціи, когда имъ сказано было, чшобъ они шли обрашно въ школу. Въ ночи имъ велѣно было ошправишь въ Фоншенебло, но шолько шрешъ изъ нихъ повиновалась: прочіе ушли и оспались у своихъ родныхъ или знакомыхъ въ Парижѣ. Въ Фоншенебло ихъ хотѣли вклучишь въ линійное войско; но Г. Дюриванъ, Инспекторъ ихъ по часши Наукъ, вопрошавишася шому, предъявя Имперашорское повелѣніе, въ силу коего пишомцы сіи, въ случаѣ, когда бъ они принуждены были ошавишь школу, долженшвовали бышь ошправлены на Реннь, чшо въ Брешани. Въ слѣдшвіе сего, онъ ошправилася съ ними въ Орлеанъ, и шакимъ образомъ успѣлъ ихъ спасши.

Во время сраженія, шешъдешашъ изъ сихъ молодыхъ людей ошавались въ школу, ожидая повелѣній. Прочіе возвращились 29

числа ввечеру, пробывъ цѣлый день на службѣ. Въ Парижѣ разсѣяли слухъ, что пушки, изъ кошорыхъ спрѣляли пишомцы Политехнической школы, принуждены были прекрашить пальбу слишкомъ на два часа, за неимѣніемъ боевыхъ снарядовъ. Эшошь слухъ не вѣрнень: но многіе зарядные ящички начинены были зарядами не по калибру пушекъ, а крупнѣе онаго. „Эшо,“ сказалъ мнѣ Аншуанъ Лебрёнъ, сообщившій мнѣ сіи подробносши о подвигахъ своихъ соучениковъ: „должно приписашъ тольکو поспѣшносши, съ каковою наполняли зарядные ящички.“

Опряды національной гвардіи, ходившіе спрѣлками на Сень-Денисскую равнину, ни сколько къ шому не были принуждаемы. Въ при четверши шрешьяго часа, Г. Ф. видѣлъ значительный корпусъ конницы, прискакавшій въ Парижъ улицею Рошешуаръ, и, казалось, бѣжавшій съ поля сраженія. Въ при часа, Г. В. видѣлъ артиллерію, кошорую гнали до засшавы Рошешуарской, а въ чешыре часа, множесшво кавалерисшовъ въ безпорядкѣ разсыпалось по улицѣ. Вечеромъ, двое конскрипшовъ посшавлены были на часахъ у засшавы, чшобы не допускашъ къ оной жишелей. По концамъ линіи, пальба прекрашилась не прежде шесши часовъ

вечера. Въ четверть четвертаго, Миссъ М. видѣла изъ своихъ оконъ, въ улицъ Шароннъ (Charonne), какъ Французская конница вскачь спустилась съ высоты Сень-Шомонъ, кошую занимала она во все утро. Вслѣдъ за нею появилась на высотѣ конница союзныхъ войскъ и въ гораздо значительнѣйшемъ числѣ. Спусти нѣсколько минутъ, Миссъ М. видѣла, какъ національная гвардія оставила кладбище опца Ла-Шеза, откуда она спрѣлала сквозь щели, пробитыя въ стѣнѣ. За четверть часа до того, нѣкоторое число конницы проскакало по улицъ Шароннъ въ величайшемъ замѣшательствѣ. Передъ ними неся отрядъ артиллеріи, убѣжавшій изъ Лавильешта; онъ принужденъ былъ обойти кругомъ стѣны, пошому что не могъ пробраться въ городъ другими засавами. Въ четверть часа, Императоръ Всероссійскій и Король Прусскій, съ Княземъ Шварценбергомъ, прибыли на высоту С. Шомонъ. Съ наступленіемъ ночи, высота сія со всѣхъ сторонъ покрывалась огнями биваковъ.

Сторона Менильмоншана, лежащая къ югу, занята была въ 4 часа союзниками. Ресшораторъ Лефебръ рассказывалъ мнѣ, что Французскіе драгуны весь день прятались у него на дворъ, чтобы не сражались.

Союзники были двукратно отражены при Бельвилль. Одинъ Полковникъ, служившій при Главномъ Штабѣ Князя Шварценберга, сказывалъ мнѣ, что они потеряли 6,000 человекъ. Уронъ Французовъ простирается до 3,000. Кромѣ того, убито было 60 человекъ національной гвардіи, а 150 ч. ранено. Между убитыми находился Фицъ-Жемсъ, славный чревоушачель, содержавшій кофейный домъ въ Пале-Рояль. Королевско-Прусская гвардія потеряла много людей. 570 Прусскихъ офицеровъ были убиты или ранены.

Въ половинѣ втораго возвѣщено было въ Люксамбургскомъ дворцѣ, что Король Прусскій и Главный его Штабъ взяты въ плѣнъ. Это былъ условный знакъ для отъѣзда жены Короля Юсифа; она поспѣла въ карету и отправилась въ Брау.

Г. Фридрихъ Кювье былъ 30 числа на службѣ, какъ ратникъ національной гвардіи, у Гобленской заставы. Во время сраженія, офицеры линейныхъ полковъ обошли баштарен, и объявили споявшимъ на нихъ солдатамъ, что Императоръ прибылъ въ Парижъ, и принялъ начальство надъ войсками. Въ пять часовъ они подошли снова и сказали, что непріятель отраженъ и что Король Прусскій взятъ въ плѣнъ. Но въ

семь часовъ вечера, войска начали выходить изъ Парижа, и сіе продолжалось цѣлую ночь. Войска были въ великомъ уныніи; солдаты и нижнихъ чиновъ офицеры, копорыхъ мы раскрашивали, приписывали всѣ свои неудачи измѣнѣ.

Всѣ городовые архитекторы собраны были въ Полицейской Префектурѣ, по приказанію Префекта, дабы шопъ же часъ принявъ мѣры противъ несчастныхъ случаевъ, могшихъ послѣдовать опъ разрыва бомбъ. Въ десяты часовъ утра, слѣдующее воззваніе къ народнымъ спрашамъ было принесено изъ типографіи въ канцелярію Префектуры. Полицейскіе присхавы были разосланы по разнымъ частямъ города для раздачи сего воззванія; но едва начали оную производить, какъ получили приказъ ийти назадъ. Даже ошобрали сію прокламацію у шѣхъ, кои оную получили, и сожгли весь несчастный заводъ ея въ канцеляріи 1-го Ошдѣленія. Я видѣлъ всего на все шолько одинъ экземпляръ оной; онъ напечатанъ былъ на обихъ шпоронахъ лисшка, формашомъ въ 12 долю:

„Допустимъ ли мы себя ограбимъ! Допустимъ ли мы себя сечь!

„Тогда какъ Имперашоръ идешь въ шду непріятеля, двадцать пять или шридцать тысячъ человекъ, предводимыхъ дерз-

кимъ паршизаномъ, осмѣливающагося грозить нашимъ засавамъ. Могущъ ли они испугать 500,000 жинелей, кои гошovy ихъ испребишь! Сей ошрядъ знаешь, что силы его не доспало бы къ шому, чтобъ удержашь въ Парижъ; онъ хочешь шолько сдѣлашь набѣгъ. Какъ ему не долго бы было оспавашься у насъ, шо онъ поспѣшилъ бы насъ ограбишь, нахвашь у насъ золоша и добычь; и когда бы побѣдоносная армія принудила его бѣжашь изъ сподлицы, шо онъ вышелъ бы изъ нея подъ заревомъ причинныхъ имъ пожаровъ.

„Нѣшъ! мы не допусшимъ себя ограбишь! мы не допусшимъ себя сжечь! Спанемъ защищашь свое имущество, своихъ женъ и дѣшей, и дадимъ время храброму нашему воинству прійши для испребленія, подъ нашими спѣнами, варваровъ, кои пришли ихъ низпровергнушь! Ополчимся швердою рѣшимостию побѣдишь ихъ, и они не посмѣюшь на насъ напасшь! Сподлица наша будетъ гробомъ шѣхъ полчищъ, кои дерзнушь осаждашь враша ея. Лицемъ къ лицу врага, мы имѣемъ значительное войско; имъ предводительшешьствуютъ Полководцы искусные и неушрашимые; должно шолько вспомошествовашь имъ.

„У насъ есть пушки, шпыки, пики, желъзо. Наши предмѣстія, улицы, дома — все можешь служишь къ нашей защитѣ. Обнесемъ, если нужно, рогатками: вывеземъ на улицу наши акипаки и все, что можешь заградить групи; поставимъ зубцы на стѣнахъ, окопаемъ рвами, внесемъ во все друсы нашихъ домовъ камни съ уличной мостовой — и непришедь ошступишь со страхомъ.

„Пусть вообразяшь себѣ войско, пытающееся пройши однимъ изъ нашихъ предмѣстій среди такихъ преградъ, подъ перекреснямъ ружейнымъ огнемъ, изъ всехъ домовъ, подъ камнями и бревнами, бросаемыми изъ всехъ оконъ! Сіе войско будетъ испребдено прежде, нежели дойдетъ до среды Парижа. Но нѣтъ! Зрѣлице пригошований къ таковой защитѣ заставитъ его ошступишься отъ напрасныхъ своихъ покушеній, и войско сіе поспѣшно удалится, чтобы не ошпаться между арміею Паризскою и арміею Императора!“

Трое неприятельскихъ лазупчиковъ приведены были въ Полицейскую Префектуру, откуда ихъ ошправили въ Главный Шпабъ. Сожжено было множество бумагъ на дворѣ Военнаго Минисперства, въ улицѣ Аилли. Желъзница вороша, боковые входы и лавки

Пале-Рояля были во весь день запершы, равно какъ и большая часть магазиновъ въ улицъ Сеншъ-Оноре и другихъ частяхъ города.

Во все продолженіе битвы, бульваръ des Italiens и кофейный домъ Торпони наполнены были праздными людьми обоего пола, сидѣвшими, по обыкновенію, на находящихся шамъ сшульяхъ, и смотрѣвшими очень равнодушно на раненыхъ Французовъ и на проходившихъ союзниковъ. Раненыхъ офицеровъ переносили на шюфякахъ. Черные флаги вывѣшены были на всѣхъ госпиталяхъ, дабы союзныя войска не бросали бомбъ и гранатъ по этому направленію.

Въ исходъ втораго часа, общій вопль: „спасайтесь (sauve qui peut)!“ раздаеся по бульварамъ, отъ Сенъ-Маршенскихъ воротъ до бульвара des Italiens. Всѣ побѣжали прочь, и водны народа прогнаны даже за Pont-Neuf. Но сей паническій страхъ скоро утихъ. О семъ случаѣ рассказывали мнѣ многія лица, находившіяся въ разныхъ мѣстахъ, отъ бульваровъ до другаго берега рѣвки; я никакъ не могъ узнать причины онаго. По словамъ однихъ, два Австрійскіе кавалериста вскочили въ Парижъ Сенъ-Маршенскою заспавой и проскакали по бульварамъ, гдѣ и были убиты. По словамъ дру-

гихъ, пьяный Польскій уланъ во всю прышь пронёсся по Монмаршрскому предмьшю, и кричалъ изо всего горла: *Sauve qui peut!*

Во весь день раненые Французы бродили по улицамъ Парижа, и многіе изъ нихъ умерли шамъ, безъ всякой помощи. Г. Фаваръ видѣлъ одного изъ нихъ, дошащившагося даже до Университетской улицы, и валявшагося шамъ на мостовой (*). Сосрадашешные люди спрашивали у него, чего онъ хочешъ. На сіе онъ ошвѣчалъ, что хочешъ шолько спокойно умерешъ; что скоро и исполнилось. Нѣкоторыхъ солдашь поддерживали ихъ шоварищи; иныхъ несли даже на спинѣ.

Въ 4 часа, Дюкъ Ровиго ошправился въ Блуа. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ встрѣшилъ его въ улицѣ *des Saints-Pères*: онъ ѣхалъ въ коляскѣ, съ женою. Позади ѣхала другая коляска, и человекъ съ двадцашъ лейбъ-жандармовъ провожали его. Все эшо скакало во весь опоръ. Графъ А. Жирарденъ въѣхалъ въ Парижъ въ 3 часа по полудни, объявляя, что Имперашоръ будешъ въ слѣдъ за нимъ и

(*) Университетская улица (*rue de l'Université*) находится за рѣкою Сеной, совершенно въ противоположной шпоронѣ ошъ шой часши города, гдѣ происходило сраженіе. *Прим. Переводъ.*

уговаривая народъ ополчиться поголовно. Поискавъ понапрасну Короля Иосифа и Военнаго Министра, онъ поѣхалъ къ Г. Талейрану, а пошомъ въ собственннй свой домъ; онъ оставилъ Парижъ въ полночь, и отправился обратно къ Императору.

Г. А. де Лабордъ находился въ 6 часовъ за городской стѣною, съ отрядомъ національной гвардіи. Какъ заспавы были закинуты рогашками, по находившіеся съ нимъ принуждены были помогать другъ другу — перескочить черезъ оныя. Казаки, споявшіе противъ нихъ, смотрѣли на это, но не мѣшали имъ перейти. Жипели дальнихъ часпей города не знали во весь вечеръ о капитуляціи. Миссъ М. сказывала мнѣ, что не было о шомъ никакой вѣспи въ улицѣ Шароннъ, когда сія дѣвица ложилась спать.

Маршалъ Мармонъ сказывалъ мнѣ, что Иосифъ Бонапарше далъ ему повелѣніе заключить капитуляцію, когда заблагоразсудилъ, что всякая защита была бы бесполезна; и что онъ тогда только на сіе рѣшился, когда увидѣлъ 25-ти тысячную колонну свѣжихъ войскъ, шедшую слѣва. Въ при часа по полудни онъ былъ въ концѣ Бельвилля; непріатель шакъ пѣснилъ его, что II человекъ было убило шшыками подлѣ него. Въ сей крайности, находясь

отрѣзаннымъ отъ своего корпуса, онъ пробился съ отрядомъ въ 40 человекъ по улицамъ Бельвилля. Г. Келенъ, успѣвшій обратиться въ Главную квартиру союзниковъ, возвратился въ эту минушу съ двумя офицерами, о коихъ сказано было выше. Маршалъ сказывалъ мнѣ, что союзники потеряли 10,000 человекъ, а Французы 4,000, и что Императоръ Александръ увѣрилъ его, что у союзниковъ было 200,000 человекъ между Мо и Парижемъ; что они были удословлены, будто бы Наполеонъ оставилъ по крайней мѣрѣ 50,000 человекъ войска для защиты столицы. Маршалъ присовокупилъ, что союзники напрасно повели сию ампшаку; ибо они могли войти въ Парижъ отъ Булонскаго лѣса; не встрѣшивъ никакого сопротивленія, тогда какъ нападеніе учинено было съ единственной той стороны, гдѣ Французы готовились къ защитѣ.

Монисеръ 30 числа хранилъ совершенное молчаніе о войнѣ и объ арміи. Четыре столбца съ четвертью напечатаны были спашью о драматическихъ сочиненіяхъ, и три столбца диссертаціей о существованіи Трои. О театрахъ было объявлено по обыкновенію.

Въ двѣнадцатомъ часу по полудни, Г. Фаваръ видѣлъ эскадронъ карабинеровъ, по-

дѣ Сень-Маршенскихъ порошъ; они отпра-
влялись на поле битвы. Въ эту же мину-
ту прибыли 50 или 60 военнопленныхъ,
взятыхъ не за-долго передъ тѣмъ. Караби-
неры очень горячились и швердили зреше-
дямъ, что скоро они прищлютъ военно-
пленныхъ еще болѣе; но, въ половинѣ вто-
раго часа, Г. Фаваръ видѣлъ, какъ они воз-
вращались въ большомъ уныніи.

Много ядеръ падало въ Парижъ. Я ви-
дѣлъ разбитое окно въ одномъ домѣ Сень-
Маршенскаго предмѣсія, стоящемъ на углу
двухъ улицъ. Въ улицѣ Св. Николая, между
улицами Монбланъ и Тиру (Thiroux), одинъ
человѣкъ былъ раненъ внутри дома; его пе-
ренесли въ госпиталь, гдѣ онъ и умеръ. Во
время сраженія, Правитель и Регенты Бан-
ка велики разбить мѣдныя матрицы бан-
ковыхъ ассигнацій и уже хотѣли было
сжечь всѣ наличныя ассигнаціи, когда вѣсть
о заключеніи капитуляціи дошла до нихъ.

Знамена, взятыя Французами въ разныхъ
войны, и поставленныя въ церкви Инвалид-
наго Дома, были уложены по приближеніи
Союзниковъ, дабы оныя можно было пере-
везти въ другое мѣсто. Но въ ночь, слѣдо-
вавшую за капитуляціей, сіи славныя па-
мятники мужества Французовъ были сожже-
ны на дверяхъ Инвалиднаго дома, въ силу по-

вельня, оставленнаго Дюкомъ Фельшпрскимъ. Шпага и шарфъ Фридриха Великаго, висѣвшія въ срединѣ свода, копорымъ проходяшь изъ пришвора внутрьъ церкви, были испреблены въ шо же время.

(Изъ *London Magazine*) С.

3.

О К О Н Ч И Н Ъ

Ея Императорскаго Величества
ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ.

Императорскій Домъ и Россія лишились Машери. Вчерашняго числа (24 Октябрия), въ шрепьемъ часу ушра, судьбами Всевышняго прекращена драгоцѣнная для милліоновъ людей жизнь Государыни Императрицы Марии Ѳеодоровны. Глубочайшая горешь распространилась по всему городу, и въскорѣ плачевная вѣсьь разнесешя по всей Россіи, кошорая въ шеченіе пѣшидесяши двухъ лѣшь была поприщемъ благошворныхъ подвиговъ Усопшей Государыни, свидѣшельни цюю и чшишельницею Ея добродѣшелей. Великостъ пошери нашей едва ли измѣршся нашею

искреннѣйшею печалію, но да найдешь праведная скорбь вѣрнопопданныхъ минушное ущѣшеніе въ воспоминавіи о достоинствахъ ошозванной въ небесное ошечество свое души добродѣтельной, и въ мысли о той награды, кошорая земную Труженицу добра, милосердія и всѣхъ доблесшей Христіанскихъ и человѣческихъ ожидаешь въ селеніяхъ вѣчности.

Съ кошорой спороны начнемъ исчисленіе качествъ и дѣяній Почившей, и гдѣ кончимъ сіе горесшно-сладосшное воспоминаніе? — Не спанешь у насъ ни выражений, ни слезъ.

Въ черногахъ Царскихъ, среди упоевій величія и всѣхъ родовъ славы, Марія водворила всѣ семейственныя добродѣтели: благодарная дочь, нѣжная супруга, чадолюбивая мать, вѣрный другъ (добродѣтельные и на Пресшолъ имѣющъ друзей), вселила священное чувсшво сихъ обязаносшей въ сердца всѣхъ, Ее окружавшхъ, и содѣлала подвиги добра, великодушія, самоошверженія наследшвенными въ Своемъ Августѣйшемъ Семействѣ. Дщери ея содѣлались украшеніемъ Дворовъ Европы, къ славы и гордосши Россіи. Перворожденный Сынъ Ея, Спасштель и Примиритель Европы, пріялъ уже нечлѣнные вѣнцы славы и въ сердцахъ по-

помшва, и у Прешола Предвѣчнаго. Другіе два Сына..... Европа и вселенная видѣла великодушную борьбу Ихъ, неизмѣющую примѣра въ лѣтописяхъ міра. Мать счастливая и добродѣтельная! насладись нынѣ *тамъ* вполне Своимъ блаженствомъ.

Довольно было бы сихъ правъ на благословеніе современниковъ, на удивленіе потомшва, но мало для души, жаждущей добра: *Марія* полагала, что Она ничего не совершила, когда еще что либо оставалось сдѣлать для блага человѣчества. Она пріяла отъ Августѣйшаго Своего Супруга, за шрицать лѣтъ предъ симъ, должность священную и для Ея сердца усладительную—быть защитницею, покровительницею, благодарительницею бѣдныхъ, сирыхъ, спрраждущихъ. И какъ совершила Она сей великій подвигъ? Государыня, въ полномъ смыслѣ слова, *служила* Россія. Никакой Министръ въ свѣтѣ не могъ сравниться съ Нею въ дѣятельности, усердіи, неутомимости. Взгляните, соотечественники, на превосходныя, единственныя въ мірѣ заведенія, возликшія и процвѣвшія подъ благошворнымъ покровомъ Незабвенной! Исчислите милліоны осушенныхъ Ею слезъ, водворенныхъ трудами Ея въ сердца добродѣтелей, искорененныхъ Ея погеченіемъ пороковъ! Упра-

вленіе Ея было не временное попеченіе, внутреннее минушнимъ состраданіемъ, а непрерывное, спройное въ цѣломъ, соотвѣтствующее цѣлому въ частяхъ своихъ, занятіе. Спрогая въ исполненіи возложенной на Себя должности, попечительная о малѣйшихъ подробностяхъ сопряженныхъ съ оною дѣлъ, Государыня украшала, услаждала труды Свои крошесью, милосердіемъ, состраданіемъ. Нигдѣ чиновники не служили въ продолженіе полдкихъ дѣшъ сряду, какъ подѣ Ея высокимъ начальствомъ; нигдѣ не заслужено столько пенсіоновъ; нигдѣ не было столь мало нарушеній обязанности. Найдите одно бѣдствующее семейство, одного оставленнаго сироту честныхъ чиновниковъ, находившихся подѣ Ея благотворнымъ вѣднїемъ: всѣ призрѣны, воспитаны, осчастливлены. А тѣ, которые были ближайшимъ предметомъ Ея машеринскихъ попеченій! Вы, отъ рожденія лишенные родителей и имени! вы, юныя сироты благородныхъ людей, положившихъ жизнь свою за отечество въ подвигахъ воинскихъ и въ трудахъ гражданскихъ! вы, обиженные природою, слѣпцы, нѣмощствующіе! вы, брошенные на одрѣ плача, убогіе и спраждащїе! отвѣтствуйте: что была Она для васъ, и чего вы въ Ней лишились!

Боже праведный и въ судьбахъ Своихъ несповѣдимый! даждь, да блаженный духъ Маріи не оставяешь возлюбленной Ею, благодарной, сиротствующей Россіи! да насладіе, Ею дарованное, навсегда, навсегда пребудешь досполніемъ Августѣйшаго Дома Императорскаго, и симь да ушвердиши навѣки между нами и внуками нашими благоговѣйное о Ней воспоминаніе!

О обстоятельствахъ, сопровождавшихъ кончину, блаженной памяти, Государыни Императрицы Маріи Февдоровны, сообщаемъ слѣдующія достоверныя извѣстія:

Еще въ полдень 23-го числа не было примѣчено никакой явной опасности въ положеніи Ея Императорскаго Величества, и надежда на скорое Ея выздоровленіе казалась несомнѣнною. Съ сего времени болѣзнь начала усиливаться, но до пяти часовъ по полудни самые врачи не находили причинъ къ опасеніямъ. Въ шестомъ часу, особы, приходившія во дворець, для полученія извѣстій о состояніи здоровья Ея Величества, замѣтили возрастшающее на всѣхъ лицахъ смяшеніе, и когда, въ 6 часовъ, Министръ Двора Его Императорскаго Величества послалъ за Духовникомъ Государыни, недоумѣніе сіе превратилось въ

безмолвный ужасъ и опчаяніе. Узнали, что болѣзнь вдругъ приняла опасный оборотъ, и что къ спасенію драгоцѣнныхъ дней Ея Величества не было уже надежды. Государыня Сама изъявила желаніе приобщиться Свяшыхъ Таинъ, лишь шолько Государь Императоръ почелъ за благо упомянуть о томъ однимъ словомъ. Въ 7 часу сподобилась Она, съ благоговѣніемъ, спокойствіемъ и швердосшію, вкушитъ Свяшыхъ Даровъ Христовыхъ, и собравъ послѣднія свои силы, могла при томъ приобщаясь и състѣ въ постели. Все сіе время Государь не оставлялъ Своей Родительницы. Императрица Александра Ѳеодоровна шакже изволила при Ней находиться безошлучно. — Пригошовась къ опшествію въ вѣчность, Государыня обрашила еще земныя очи на шо, что ей всего дороже было въ здѣшнемъ мірѣ, и шрепещущею рукою дала послѣднее родительское благословеніе Августѣйшимъ Своимъ Дѣтямъ, завѣщая оное поимянно и Тѣмъ, Которые въ сію священную минушу были разлучены съ Нею, Цесаревичу Константину Павловичу, Великому Князю Михаилу Павловичу, Великимъ Княгинямъ Маріи Павловнѣ, Аннѣ Павловнѣ и Еленѣ Павловнѣ. По волю Ея Величества, призвали къ Ней Наслѣд-

ника Престола. Онъ самъ спросилъ у Нея, не угодно ли Ей видѣть и Сестрицу, и получивъ на то согласіе, побѣжалъ за Ними, и привелъ Великихъ Княженъ къ одру Умирающей. Государыня благословила всѣхъ любезныхъ сердцу Ея Внучашъ, и уже съ трудомъ, при пособіи Государя, возложила ослабѣвающую руку на поднесеннаго къ Ней, пробужденнаго отъ сна, младенца Константина.

Вскорѣ послѣ сего Государыня погрузилась въ крошкую дремолу, и шолько за часъ до кончины на одно мгновеніе обратила глаза на Государя, но не произнесла уже ни слова. Она кончалась смертію праведныхъ, безъ всякой борьбы и спраданія. Въ исходѣ прешьяго часа ушра легкой прещель на устахъ возвѣспилъ окружавшимъ Ее о наступленіи послѣдняго мгновенія, и небесная улыбка появилась на лицѣ Прещавльшейся....

Тогда справедливая, громкая горещь, послѣ безмолвнаго унынія, всшупила въ права свои. Вопли раздались во дворцѣ, разнеслись по всему городу. Народъ съ искреннимъ чувствомъ оплакиваетъ *Матушку* *МАРІЮ* *Өводоровну*, какъ привыкъ называть и чшишь Ее съ давнихъ дѣшъ.

Н. Грещь.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ.

30. *Hygiène philosophique, ou de la sante dans le régime physique, moral et politique de la civilisation moderne, par J. J. Virey* (Философическая Гигіена, или о здравіи въ порядкѣ физическомъ, нравственномъ и политическомъ новѣйшей образованности. Соч. Ж. Ж. Вирей, Доктора Медицины Парижскаго Факультета, Почетнаго Члена Королевской Медицинской Академіи, бывшаго Профессоромъ Естественной Исторіи въ Королевскомъ Парижскомъ Атеней и пр.); 2 тома въ 8 д. л., 1-й въ 310, а 2-й въ 312 стр. Парижъ, 1828.

(Г. Вирей принимаетъ за основное правило, что обыкновенное состояніе чловѣка есть здоровье. Болѣзни приключаются ему извнѣ, какъ то: удары, паденія или другіе какіе либо насильственные случаи; онъ наносится ему также излишествомъ жара, холода, сырости, сухости или иными силь-

ными переѣнами атмосферы; болѣе же всего зараждающа оны ошъ предметовъ, принимаемыхъ нами во внушренность: ошъ воздуха, ошъ пищи и нншья; наконецъ ошъ нравшвенныхъ причинъ, болѣе или менѣе дѣлающихъ на насъ впечатлѣнн.

Прнвыкнушъ къ перенесенну неизбѣжныхъ пошрасеннй, не упошребляшъ во зло ни силъ своихъ, ни склонности къ наслажденнямъ, — вошъ средства сохраняшъ свое здоровье.

Какъ навыкъ дѣлаешся вшорымъ закономъ жизни, шо „спанемъ упошребляшъ,“ говорншь Г. Внрей, „сню чудную способность навыка къ перенесенну шрудовъ, боли, непогодъ и всѣхъ неизбѣжныхъ случаевъ нашего бышнн.“

Намъ даны руки для работы и мозгъ для размышленнн. Умѣренный шрудъ не шолюко не корошашъ жизни, но еще продолжашъ ее.

Равную ли долю добра и зла несемъ мы въ женашомъ состояннн, и въ холосшомъ?

Какъ сей вопросъ непосредшвенно кашашся до здравнн, шо Г. Внрей входншь въ изслѣдованнн онаго. „Бракъ,“ говорншь оны: „кажешся шяжкой ношею для шого, кшо его не извѣдалъ; но прнвычка дѣлаешъ его шшоль легкнмъ, чшо пошягающъ на него

впорично, когда смерить разведает первый... Исследования о смертности доказываютъ, что женатые люди долговѣчнѣ холостыхъ, хотя впрочемъ въ условія дослѣдка ихъ и званія сходны между собою.... Сказано, что дружба необходимѣ для жизни, нежели самое правосудіе, и что она удваиваетъ существованіе: а можно ли надѣяться дружбы поспояннѣ и шѣннѣ гдѣ бы то ни было, какъ не въ общественомъ своемъ семействѣ, связанномъ съ нами узами крови, сосраждающемъ въ нашихъ горестяхъ и участвующемъ въ нашихъ радостяхъ?"

Г. Вирей говоритъ о вліяніи сельской и городской жизни на крѣпость силъ и долговѣчность человека: „счастливы, кто можешь сперва наследоватьъ благошворную престошу соспояннѣ поселянъ, и попомъ переродиться въ нѣдрахъ ушонченной образованности городовъ; словомъ, попеременно переходишь изъ Спаршы въ Аены. Онъ не изнѣживается и не грубѣетъ; онъ соблюдаетъ великодушную свою искренность въ городскихъ гостинныхъ, и въжливостъ подъ сельскою соломенною кровлею.... Сколь спасительно для здравія человека, родиться въ чистомъ воздухѣ полей; сохраняешь шамъ свою невинность, врожденную, дѣвственную чистоту свою во время юности, споль же

для зрѣлаго возраста полезно проводить дни среди сокровищницъ, посвящаемыхъ въ городахъ Искушвамъ, а болѣе всего промышленности, къ упроченію честныхъ способовъ существованія.“

Г. Вирей разсмаприваешь собственное наше къ себѣ уваженіе въ отношеніяхъ его къ здоровью. „Тошъ“ говоритъ онъ, „кто не ощущаешь никакого самодовольствія, не зная, какъ найшисъ, не только будешь несчастливъ, но едва ли сохранишь шѣлесныя свои силы и здоровье. *Горечь и тошнота (les déboires et les dégouts)* оскорбленнаго самолюбія въ собенности разслабляютъ (какъ самыя сіи слова показывающъ) желудокъ до такой степени, что онъ отвергаетъ пищу и не свариваетъ оной: это родъ опуманивающаго умъ нашъ яда, кошорый дѣлаешь насъ глупыми отъ шоски и печали; шаково, напр. *скрывшееся внутрь честолюбіе*, шодико смершоносное для царедворцевъ, постигнушихъ опалою.“

Г. Вирей подшверждаетъ доводами шаковую мысль, кошорая съ перваго взгляда кажется ложною; а именно: о *пользѣ горести*. „Сколько ешь шакихъ людей,“ говоришь онъ: „кошорые по упонченному впикуреизму, исправляли горешными впечатлѣніями шомишельную пришорность слишкомъ од-

нообразнаго благополучія, и сколько Царей укрывались иногда подь соломеною кровлею ошь докучнаго своего вліанія! Не лъзя безпрестанно насыщашься медомъ и сахаромъ, и не почувствовашь къ нимъ смерпельнаго ошвращенія.... Роскопная жизнь естъ ша же сухошка: лихорадочная, съ бредомъ, она не даешь ни здоровья, ни испиннаго благополучія. Жизнь, перемъшанная съ недоспашками и какъ бы умъряемая горькими испыпаніями, шановишья крѣпче и долговѣчнѣ; можно сказашь, что она укореняешья посреди бурь, подстрекающихъ нашу бодрость и крѣпящихъ душу.“

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 8.

П о э з і я.

32. *Хіосскій Сирота. Сочиненіе Платона Ободовскаго.* — С. П. б. въ шипогр. Депарш. Народ. Просвѣщенія, 1828. Въ 12 д. л. 70 стр.

(Содержаніе повѣсти просто. Въ ней, Хіосскій сирота самъ рассказываетъ о жизни своей въ домѣ родителескомъ, о нашествіи Турокъ на Хіосъ, о смерти своего отца, пльненіи всего его семейства, неволѣ своей въ Константинополь, встрѣчѣ тамъ съ своею машерью, побѣгѣ своемъ изъ дома жестокосердаго Ахмешъ-Али-Паши, и наконецъ о прибытіи своемъ въ Одессу. Сочинитель ничего не прибавилъ къ тому о себѣ: онъ только прекрасными стихами не-

редаля намъ слышанное имъ ошь самага Хіосскаго сиропы, Коспаки Л. . . . , находящагося нынѣ въ С. Пешербургѣ и воспишвающагося въ одномъ изъ лучшихъ учебныхъ заведеній, на иждивеніи Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Сочинишель, по тонкому чувству поэзіи, не продолжалъ повѣсти Хіосскаго сиропы по прибытіи его въ Одессу, но досказалъ прозою послѣдовавшія съ нимъ событія. Г. Ободовскій зналъ, что возбудивъ соучастіе къ судьбѣ сиропы изображеніемъ его бѣдствій, онъ шолько ослабилъ бы сіе впечатлѣніе, разговоромъ о счастливой перемѣнѣ его участи. Ибо человекъ, сколь бы ни сильно чувствовалъ благодарность за оказанныя ему благошворенія, но въ выраженіи оной никогда не бываетъ столь краснорѣчивъ, какъ въ описаніи своихъ спраданий. Горести и бѣдствія сославляютъ собшвенно Поэзію въ обыкновенномъ бышу человека; мирное благосостояніе принадлежитъ болѣе Прозѣ.

Поэма Г. Ободовскаго содержишь въ себѣ многія прекрасныя описанія. Довольно указашъ на каршину разореніа острова Хіоса, на изображеніе злобнаго Ахмеша-Али, на свиданіе сиропы съ машерью своею въ Констаншинополь и пр. Вообще въ поэмѣ

сей много движенія и души, вѣрное изображеніе мѣспноостей и занимательныхъ подробностей. Больше всего нравился она (пою простосердечною, дѣшскою откровенностью, съ копорю Хіосскій сирота рассказываетъ собственныя свои приключенія. Самое вступленіе богато истинными красотою поэтическими:

„У Турокъ я спеналь, друзья,
 Я на краю стоялъ могилы.
 Но что предъ Богомъ вражки силы?
 Онъ внялъ меня — и съ вами я:
 Свободно дышишь грудь моя.
 Но часто я на Хіосъ дальній
 Парю встревоженной душой:
 Туда, гдѣ славный спарной,
 Архипелагъ волной кристальной
 Лелешь берегъ мой родной.
 Я вижу праощевъ обитель,
 И рощи лавровъ и оливъ:
 И съ шумной пристанью заливъ,
 И садъ, гдѣ часто мой родишель,
 Держа въ объятіяхъ меня,
 Любилъ встрѣчашъ свѣшло дня.
 Лимонъ шамъ рдѣешь лучезарный
 И гнешся гибкая лоза,
 И каплей падаетъ янтарной
 Масшики (*) свѣшная слеза;

(*) Масшика. Смола, ежегодно вытекающая изъ масшиковаго дерева (lentisque), есть бешель шуне-

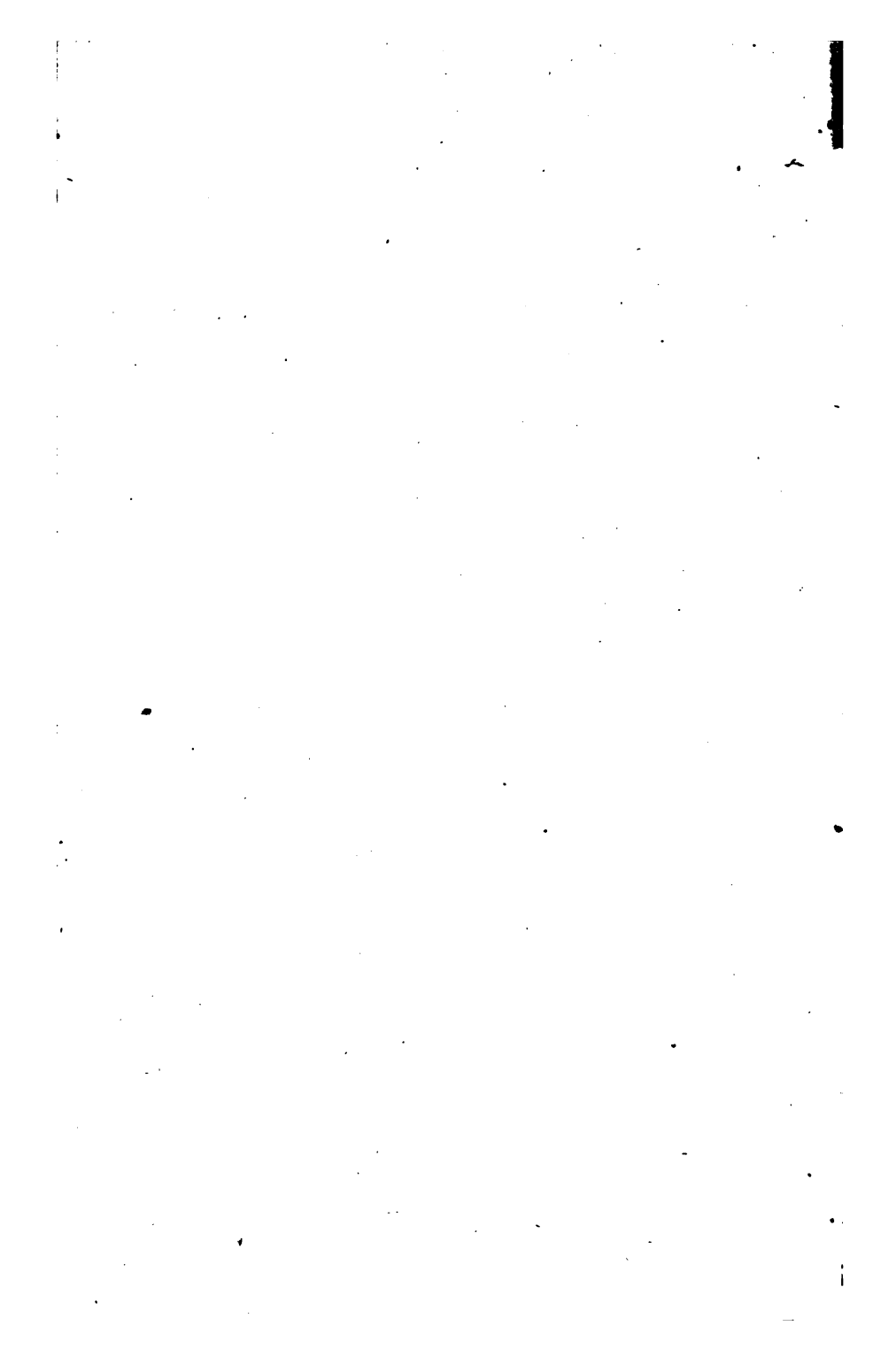
За кипарисами внѣ града
 Дряхлѣешь мшистая ограда —
 Ахъ! шамъ могилы безъ крестовъ (*)
 Скрываюшь прахъ моихъ ошцовъ.
 Вдругъ измѣняюшся мечшанья :
 Я вижу Хіосъ, — но надъ нимъ
 Столпомъ клубишся черный дымъ ;
 Я слышу выстрѣлы, сшенанья
 И вопль и плачь семьи родной ,
 И вижу — надъ моей главой
 Заносишь Турокъ мечъ кровавый
 И шрупъ родишеля безглавый
 У ногъ врага То не мечшы !
 Узнайше повѣсьш сиромы.“

Такое вступленіе уже заманиваетъ и
 пригошвляетъ чипашелей выслушать жа-
 лостную повѣсьш Хіосскаго сиромы. Если
 присовокупимъ, что повѣсьш сія написана
 и издаана Г. Ободовскимъ для того, чтобы
 вырученныя за нее деньги употребить на
 выкупъ меньшаго брата Хіосскаго сиромы,
 малолѣтшаго Иамбрине, которы донныѣ

ядныхъ швореній, наполняющихъ гаремы Востока.
 Турчанки жуюшь сіе благовонное вещество для пре-
 провожденія времени, котораго не знаютъ на что
 употребить.

(*) Турки запрещаюшь Грекамъ спавишь кресты на могилахъ.

спрадаешъ въ пѣну у Турокъ; но конечно, въ глазахъ сострадательныхъ Россіянъ, небольшая сія поэма получишь новую цѣну. Она открываешъ имъ легкое средство удовлетворить любимой спрасни душъ ихъ — благошворительности: ибо съ пожертвованіемъ небольшой суммы (5 руб. ассигнаціями за экз.), они могушь спосѣшествовать испорженію молодаго Хрисіанина, Грека, изъ шигровыхъ когшей враговъ Хрисіанства.)

1384

